

Екатерина Романова

Проклятие рода Кенигсгейлов

Екатерина Романова

Проклятие рода Кенигсгейлов

«Издательские решения»

Романова Е.

Проклятие рода Кенигсгейлов / Е. Романова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932378-1

Я принцесса Вилиана Шален Кенигсгейл, и моя судьба — блистать на балах и выйти замуж за принца. Так было до того, как проклятье унесло жизнь моих братьев, а старшая сестра вышла замуж за кузнеца. Теперь судьба Всеславии — на моих плечах, а в соратниках только воин, путана и монах — сердце, эмоции и душа. Нам предстоит вернуть трон, захваченный ассирами, восстановить великую империю и решить важный вопрос — могу ли я выйти замуж по любви?

ISBN 978-5-44-932378-1

© Романова Е.
© Издательские решения

Содержание

Проклятие рода Кенигсгейлов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Проклятие рода Кенигсгейлов

Екатерина Романова

Дизайнер обложки Екатерина Романова

© Екатерина Романова, 2018

© Екатерина Романова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-2378-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проклятие рода Кенигсгейлов

Я – Вилиана Шален, последняя из рода Кенигсгейлов. Вместе со мной уйдет не только древнейший род, но и проклятие, нависшее над Всеславией тяжелой свинцовой тучей. Ради своих подданных, ради своей страны, ради будущего всего Эстамина, ради бесконечно доброго, нежного и удивительного мужчины, который сейчас наверняка изо всех сил пытается меня спасти, я должна решиться на этот шаг. Всего лишь один шаг, за которым пустота и свобода.

– Лерой, – прошептало сердце в последний раз.

За пять дней до этого

«Моя милая сестра. Твое письмо совершенно меня обескуражило. В сердце и трепетная радость, и бесконечная тревога. Я счастлива узнать, что ты встретила человека, покорившего твою душу. Но милая Беатрис, он помощник кузнеца! Тебе лучше меня известно, что у вас с ним не может быть будущего. А если ты выберешь любовь, то потеряешь право на трон. Мы не принадлежим сами себе и рано или поздно, папенька отойдет от дел, и ты заменишь его. Ты должна помнить о долге, лежащем на твоих плечах. Тебя готовили к великому будущему – стать королевой Всеславии. А наши подданные никогда не примут в качестве короля помощника кузнеца. К тому же, у ваших детей не будет магии... Тебе надлежит сочетаться равно родным браком с принцем. Уже получила последний вестник Лучших эженихов всех стран? Под номером семь, принц эльфов – Уилиам, весьма достойный образчик. Если художник настолько же правдив, насколько талантлив, то у ваших детей будет все: и красота, и ум, и обаяние, и прекрасные голубые эльфийские глаза...»

Ты знаешь, я люблю тебя как никто другой и не хочу судить или поучать. Поэтому искренне надеюсь, что ты сможешь найти верное решение, сохранив при этом целостность сердца и покой души. Очень тоскую по тебе, с любовью, Вилиана».

«Дорогая Вилиана, у меня совсем мало времени и столько нужно сообщить! Увы, боюсь, тебе придется удовлетвориться лишь тем, что я выбрала свою судьбу. После смерти наших братьев, меня готовили к участи королевы. Но я уже королева... королева его сердца. А другого престола мне не нужно! Ох, милая, если бы ты только видела его, ты бы все поняла. Для меня нет обратной дороги, потому что наш брак уже консумирован. Да... брак. Мы тайно обвенчались в глухой деревеньке и, кажется я скоро стану мамой. Прости мне мое безрассудство, но теперь судьба королевства – только на твоих плечах. Мы вынуждены бежать, потому что владыка монастыря уже написал обо всем папеньке. За сим это мое последнее письмо. Когда обживусь на новом месте, обязательно дам знать о себе. Верю, ты станешь великой королевой, моя маленькая Шален! Целую крепко, твоя Беатрис».

Письмо выпало из рук и, словно отживший лист клена, кружась, упало к ногам. «Верю, ты станешь великой королевой...». Кровь ударила в голову, в которой звучал звонкий жизнерадостный голосок сестры... «Верю, ты станешь великой королевой...». Нет. Нет-нет. Абсолютно нет. Без вариантов. Никогда! Меня не готовили к такой судьбе, ведь я младшая в роду Кенигсгейлов и не рассчитывала надеть на себя фамильную корону. Я была уверена, что после смерти папеньки и восхождения на трон Беатрис – моей старшей сестры, смогу вернуться во дворец и предаваться праздной жизни: гулять, вышивать, петь песни, блистать на балах, кружить головы кавалерам... И смела надеяться, что произойдет это совсем скоро, ведь я заточена в монастыре уже более пятнадцати лет. Мне хотелось познать радость первой любви, но не стать королевой!

Мне двадцать один год, а это возраст, с которого допускается самостоятельное правление без регента. Но какая из меня королева?

Осень в этом году наступила раньше положенного. Она словно намекала на серьезные перемены, которые могут произойти в моей жизни весьма скоро, если с папенькой, не приведи Отец Заступник, что-то случится. Разумом я понимала, что родитель не вечный, ему уже восемьдесят, а это почтенный возраст для человека, хоть и сильного мага. Но даже в страшном сне не могла представить, что на трон взойдет не Роберт, Марк или Юстас, и даже не Беатрис, а... я!

Величественный клен устало и, будто нехотя, прощался с остроконечными желтыми листьями, которые, вальяжно вальсируя, медленно опускались к моим ногам. Воздух свежий, даже слегка морозный, пах костром и тревогой. Сердце раненой канарейкой трепетало в груди, предчувствуя беду.

– Ваше Высочество, – я вздрогнула, но не обернулась. Владычица монастыря Пресвятой Девы, в котором меня прятали от проклятия, весьма успешно, следует отметить, остановилась за моей спиной. Я чувствовала на себе ее тяжелый взгляд. Тяжелый, поскольку то, что она собиралась сказать, произносят неизменно с тяжелым, даже трагическим взглядом, полным жалости и сострадания. – Ваше Высочество, – повторила она, набираясь решимости.

– Папенька? – не поворачиваясь и по обыкновению не демонстрируя эмоций, спросила я.

– Мне очень жаль. Только что получили письмо из столицы... Вам и Беатрис надлежит в скорейшем времени явиться ко двору.

Слеза расчертила щеку. Нет. Слишком жестокая правда. Все это какая-то дурная шутка. Я с грустью разглядывала цветок бордового георгина, который держала в руках и не могла поверить, что все это происходит со мной. Когда мне исполнилось шесть, отец отправил меня в монастырь Пресвятой Девы, а Беатрис – в монастырь Пресвятого Отца и больше мы никогда не виделись, ни с сестрой, ни с отцом. Он боялся, что и нас заберет проклятье, которое унесло жизни трех наших братьев с перерывом в три месяца. Мы – последняя надежда королевства, последние прямые потомки рода Кенигсгейлов, имеющие право на трон и, если наш род прервется, начнется междоусобная война. Война, которая разрушит Всеславию до основания, если лорд Найтингейл или его молодой сын не смогут удержать власть... Могу ли я это допустить? Вдохнув терпкий аромат цветка, я поежилась от осознания предстоящих трудностей. Трудностей? Нет... То, что мне предстоит – величественный долг, неподъемным грузом легший на плечи. Весть о том, что Беатрис больше не кронпринцесса наверняка уже достигла Ардлиса. Это разобьет матушкино сердце...

– Матушка?

– Не находит себе места от горя. Удалилась в Ардлисскую обитель.

Замечательно. Это значит, что трон пустует, дворец без хозяина и в скором времени об этом станет известно всем кланам, имеющим на него виды. Может это и к лучшему? Может, мне стоит поступить также, как и Беатрис? Полюбить и сбежать? А они пусть сами разбираются, кому больше нужна власть и ответственность? Поежилась от мелочных и недостойных мыслей. Трусиха!

– Мне распорядиться подготовить для вас экипаж или вы дождетесь делегации?

– Нет, я не стану ждать. Распорядитесь, чтобы накрыли ужин в моей келье. После этого я немедленно отправлюсь в Ардлис.

– Стоит ли так спешить, Ваше королевское Высочество? Ночью ехать опасно – дорога кишит разбойниками, я не смогу предоставить вам достойную охрану. Было бы благоразумней дожидаться делегации. К тому же, уверена, ее... королевское величество Беатрис наверняка...

– Довольно, – оборвала я владычицу и повернулась. – Я приняла решение, и оно не обсуждается.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, дитя, – владычица обнаружила намек на поклон и удалилась.

Убедившись, что во дворе обители никого нет, наклонилась за письмом сестры. Еще раз пробежалась по ровным строчкам, погладив пальчиками завитушки, словно так могу обнять мою маленькую... мою такую взрослую Беатрис. Поверить не могу, я стану тетей. А тяжесть короны – и вовсе невероятная весть. Но я должна принять ее с достоинством. Должна вспомнить, кто я. Последняя из рода Кенигсгейлов.

Почти не помню отца, мы не виделись пятнадцать лет, но он всегда жил в моем сердце теплым огоньком надежды. Надежды, что после восхождения на престол Беатрис, я смогу вернуться ко двору и вновь почувствовать его теплые шершавые ладони.

«Шален, мой воробушек Шален. Ты навсегда в моем сердце, моя маленькая птичка. Я буду писать тебе каждую неделю. Вот увидишь, годы быстро пролетят...».

Годы действительно пролетели быстро, но понежиться в блеске родных глаз цвета васильков мне уже больше не доведется никогда. С этого дня я одна против всего мира. Матушка? Она политическая фигура и трепетных отношений с ней не сложилось. Возможно, потому что у нас – лакрий – все очень сложно с эмоциями. Уверена, она меня любит. По-своему. Не так, как отца, конечно. Он был ее крету – истиной парой на всю жизнь. Утратив своего крету, лакрия никогда не станет прежней. Возможно, в скором времени нам с Беатрис придется проститься и с матушкой.

Сложнее всего держать величественный вид, когда хочется все бросить и бежать, куда глаза глядят. Бежать, чтобы залиться слезами, чтобы злиться, сетовать на судьбу. Но я не имею такой возможности. Передо мной в низком поклоне расступались инокини, храня тревожное молчание за фиолетовыми шифоновыми платками, скрывающими лицо. Им еще неизвестно, что перед ними будущая королева Всеславии, но ветер перемен отчетливо гуляет в стенах обители. И все это чувствуют.

Поглаживая бархатные лепестки георгина, чтобы хоть как-то унять дрожащие пальцы, я дошла до кельи, и лишь оставшись одна, позволила себе эмоции. В тихом плаче, закрыв ладонью рот, чтобы инокини, толпящиеся у двери, не услышали всхлипов, я осела на пол, окруженная сатином и бархатом. Не так я представляла себе обстоятельства, при которых придется вернуться во дворец. Этот день должен был стать самым счастливым в моей жизни, а превратился в бесконечную пытку. Нет. Я не стану дожидаться делегации из Ардлиса, чтобы не томиться в сырых стенах обители, не множить свое горе и не растворяться в нем. Мне нужен воздух. Мне нужно бежать. Бежать отсюда навстречу реальности. Бежать, чтобы успеть проститься с папой...

Облачившись в черное бархатное платье, отдающее дань скорбящему по батюшке сердцу, я помолилась Отцу Заступнику, чтобы осветил мой путь, придал сил и отваги, отобедала и собрала немногочисленные вещи.

Инокини грузили мои чемоданы в карету, запряженную четверкой белоснежных лошадей. Кучер уже ерзал на облучке, кони рыли волглую землю копытами, предвкушая дорогу, и пускали из ноздрей пар. Не мне одной не терпелось на волю. Окинув взглядом собравшихся меня проводить, я, передала саквояж камеристке и подошла к владычице. Сняла шляпку.

– Благословите меня, Владычица. Сердце трепещет и не может найти ответа, – я, расправив юбки, осевшие мягким облаком на мощеную дорожку, присела перед женщиной на колено.

– На что благословить тебя, дитя мое?

– Должна ли я взойти на трон? – произнесла шепотом, чтобы услышала только она.

Глаза владычицы расширились от осознания услышанного, ладони, занесенные над моей головой, мелко задрожали. Тем не менее, не подавая вида, она прикрыла глаза и призвала

магию жизни, благословляя меня на поиск ответа. Золотистое тепло, струящееся от ее теплых ладоней, разлилось от макушки до самых пяток и сконцентрировалось в области груди. Удар сердца. Еще один. Третий. Сомнения отринуты. Расправив округлые плечики, я гордо выпрямилась и окинула присутствующих властным взглядом. Так угодно Отцу Заступнику и мне остается лишь подчиниться его воле.

– Склонитесь, сестры. Перед вами – ее величество королева Всеславии Вилиана Шален Кенигсгейл! Последняя и первая из рода Кенигсгейлов! – сердце замерло на секунду и с новым ударом по телу разогнало новую кровь. Королевскую. Отныне я ответственна за судьбу всей Всеславии. Щеки онемели от смеси опьяняющего восторга и леденящего страха, а глаза защищало от сдерживаемых слез.

– Да здравствует королева! – первые подданные безропотно признали мою власть, склонившись передо мной и не поднимая голов.

Никогда прежде я не чувствовала вкуса власти. А сейчас, взирая на покорно склонившихся подданных, ожидающих дозволения подняться, по моему телу прошлись холодные мурашки. Не могу сказать, что ощущение мне понравилось. Скорее имя ему – страх.

– Поднимитесь, – разрешила я. – Благодарю вас, сестры, за бережную заботу, за пищу и кров, мудрый совет и свет учения, который вы вложили в меня. Ваши вера и поддержка навсегда останутся в моем сердце. Владычица, – женщина, облаченная в фиолетовую рясу, вновь склонилась в глубоком поклоне. – Когда придет делегация из Ардлеса, примите их, обогрейте и накормите. Если им неизвестно, что отныне трон мой по праву, я запрещаю это сообщать.

– Я понимаю, ваше величество. Не будет ли более благоразумным дожидаться делегации? Вы – последняя из рода Кенигсгейлов. Что станет со Всеславией, если с вами в дороге что-то случится?

– Уверена, кони наших воинов, не обремененные тяжестью карет, скоры и нагонят меня не позднее завтрашнего обеда. Передайте, что расположусь в Ридане. Потомки рода Гринваленов не посмеют отказать в приеме. И помолитесь за меня.

Коротко кивнув, я с тяжелым сердцем села в карету и повелела трогаться. Ехать без сопровождения – первое необдуманное и импульсивное решение, принятое мной как королевой Всеславии. Во-первых, после смерти отца и побега Беатрис, титул королевы перешел ко мне. Венчание на царство – формальная процедура. Во-вторых, две adeptки Ордена Порядка и два лучника – сложно назвать защитой. От лесных разбойников и мантикоры, конечно, защитят, но если встретится опасность посерьезнее, я могу пострадать. А этого нельзя допустить. Тем не менее, пути назад уже нет. Я должна спешить...

Тем не менее, выругала себя за излишнюю эмоциональность, неприемлемую при принятии важных решений и открыла шторку кареты. Напротив сидела камеристка, и, скромно опустив ресницы, читала книгу, изредка роняя на меня тревожные и смущенные взоры. Она знала как вести себя с одной из дочерей короля, жизнерадостной и легкомысленной принцессой, мечтающей о балах и прекрасных принцах, но как вести себя с королевой, омраченной тягостным молчанием ей было неизвестно. Мне самой это было неизвестно. Осознать до конца тяжесть ответственности я еще не успела. Но благодаря Владычице, сумела почувствовать, что такова воля Отца Заступника. Я не имею права ослушаться.

За окном мелькали незнакомые пейзажи. За пятнадцать лет я ни разу не выезжала за пределы обители. Моим любимым занятием являлось созерцание верхушек елей, которые виднелись за высоким каменным забором, высотой в три моих роста. Будто я жаждала сбежать навстречу собственной смерти. Теперь же, после кончины батюшки ни мне, ни Беатрис не грозит пасть жертвой родового проклятия. Чего нельзя сказать о не рожденном дитя моей сестры. Проклятье переходит по наследству и ложится на детей...

Желтеющие березы, танцующие в наполненных светом пролесках перемежались с темными хвойными островками, хранящими мрачную тайну. Передернув плечиками от холода и страха, я накинула шаль.

Мы проехали несколько деревень. В глаза бросилась жуткая нищета. Один раз мое сердце не выдержало, и я повелела остановиться. Старые Луки – селение неподалеку от обители утопало в скорби и бедности. Всех мужчин унесла проклятая лихорадка, которую навеяли ветра с земель Инзраина, а оставшиеся в живых женщины едва справлялись с хозяйством и не в силах прокормить детей, умирающих на обочинах дороги, в ожидании путников, в надежде на подавание. Все припасы провианта, которые были при мне, распорядилась раздать детям. Каждому двору передала по золотому раму. На него можно купить корову и зерна для посадки в будущем году. Там, где корова и хлеб – нет голода. Для себя поставила на заметку, что лорд Гринвален крайне плохо смотрит за своими землями и первым делом, объявившись в Ардлисе, я соберу совет, и прикажу покончить с этим непотребством. Всеславия, насколько мне известно, никогда не была настолько бедна, чтобы дети умирали от голода.

– Госпожа, госпожа, – женщина схватила меня за руку, когда я забиралась в карету. Лучники среагировали мгновенно, направив на нее арбалеты, инокини сотворили боевые пульсары, готовые в любой момент уничтожить агрессора.

– В этом нет необходимости.

Женщина с опаской посмотрела на моих сопровождающих и, утерев грязным рукавом слезы, упала передо мной на колени.

– Госпожа. Я не знаю, как вас зовут, и буду молить Отца Заступника благословить вас. Но не откажете ли вы в еще одной любезности?

– Проси.

– Моя дочь... она умирает от лихорадки, принесенной ветрами из Инзраина. Ближайший маг в двух днях пути, мы просто не успеем. Возможно ваши инокини, или вы... возможно... быть может...

Она не смогла договорить, залившись слезами. Сердце сжалось от боли. Смогу ли я быть королевой, если даже маленькая трагедия обычного крестьянина ранит ножом в самое сердце? Стиснув зубы, и не требуя объяснений, я повелела отвести меня к больной. Ей могла помочь только я.

По матушке мы с Беатрис унаследовали принадлежность к расе лакрий. Это лишь женская участь. Редкое умение, принадлежащее самым сильным из нас – исцеление. Я могу впитать и побороть внутри себя любую болезнь, при достаточном количестве сил. А их за прошедшие пятнадцать лет у меня скопилось немалое количество.

На постели передо мной, свернувшись калачиком, лежала девочка лет пяти, покрытая страшными кровоточащими язвами. У нее уже не было сил реветь, и она тихо всхлипывала, хватая ртом воздух и безжизненными глазами глядела перед собой. Времени мало. Болезнь вырывает из нее последние куски здоровья. Оставшись в комнате одна, я накрыла лоб девочки ладонью, впитав в себя лихорадку. Мне впервые довелось воспользоваться даром на столь сильной болезни. Ладонь обожгло острой болью, и кожа на руке покрылась кровоточащими струпами. Взяла со столика чистую тряпку и перемотала руку, чтобы никто этого не заметил. Через несколько минут девочка пришла в себя и повернула ко мне голову.

– Я видела его, – тихо прошептала она. Голос сиплый, с хрипотцой. Должно быть, она долго кричала от боли. Слезы сами выступили на глазах. Ни один ребенок не заслуживает таких страданий. – Он сказал, что вы придете. И что вы будете последней из недостойных, чтобы стать первой из достойнейших.

– Что, прости? – я вглядывалась в маленькие детские глазки, пытаюсь понять, лихорадит она или нет. Но на меня смотрело разумное, слишком разумное существо.

– Спасибо, ваше величество, – глаза девочки закрылись, и она провалилась в сон. Новая волна мурашек прокатилась по телу. Страх липкими щупальцами скрутил горло. Последняя из недостойных... первая из достойнейших. Что бы это могло значить? Откуда маленькой девочке известно, что перед ней королева?

Еще через несколько минут в дверь постучали, и я позволила матери девочки войти. Заметив, что струпья с малышки исчезли, и она, расслабив затекшие от болезни мышцы, сладко спит, женщина упала передо мной на колени и целовала подол платья.

– Вы моя спасительница... мое спасение, мое благословение! Ответ на молитвы. Они говорили не молиться, запрещали. Но я украдкой нарушала запрет и Отец Заступник послал нам вас... он не оставил, я знала.

– Поднимитесь, – повелела я, не желая принимать благодарность в такой форме. – О чем вы говорите? Почему в доме нет икон Отца Заступника? Кто запретил вам молиться?

– Его величество... На днях была королевская стража. Они вытащили из домов все иконы и сожгли на костре в центре селения, запретив отныне поклоняться Отцу Заступнику и объявив Религию светлой истины вне закона. Отныне нам разрешено молиться только лорду Нижнего мира и инфанту Азралу.

– Что? – гневно вскрикнула я.

Женщина, заметив мой гнев, упала на колени и снова принялась целовать подол моего платья. Мягко отобрав свои юбки, я присела, чтобы оказаться наравне с плачущей. Заглянув в ее карие глаза, уставшие от бесконечных мук, голода и страданий, тихо произнесла:

– Нет, не было и не будет во Всеславии иного бога, кроме Отца Заступника. И никогда, слышите меня, никогда род Кенигсгейлов не повелит молиться отступникам. Верните иконы, верьте в свет и истину. Отныне ваше селение под королевской защитой. Я оставлю на воротах магический знак. Больше вас не посмеют тронуть.

Пока селянка не осознала произошедшего, и кто находился в маленькой комнатке забытой деревеньки, я выпрямилась и, расправив плечи, быстрым шагом направилась к карете.

Успокоиться смогла только на полпути в Ридан. Что же творится в моем королевстве? С каких пор из оплота Религии Светлой истины мы превратились в подборников лорда Нижнего мира? Отец никогда в жизни не стал бы поклоняться инфанту Инзраина и не позволил бы этого своим подданным. С ним испокон веков ведется война, как нами, так и всеми дружественными странами. Мне следует поторопиться. Неизвестно, какие сюрпризы поджидают в родовом замке.

Впрочем, как следует осознать произошедшее мне не удалось, поскольку через час пути карета остановилась.

– Не выходите, Ваша светлость.

Я приказала обращаться ко мне именно так. Будто я обычная аристократка. Когда станет известно о моем статусе, жизнь окажется в страшной опасности и ни к чему рисковать еще больше, раз уж я по глупости решила отправиться в Ардлис без надлежащего сопровождения.

Тревога легла на грудь тяжелым камнем. Откинув тряпку, заметила, что струпья на ладони затянулись, оставив едва различимые шрамы. Но и они пройдут. Подобная магия требует больших сил. Но их у меня в избытке, хотя применять бы не хотелось. С улицы донеслись голоса. Кто-то посмел остановить карету с обозначением королевского герба, значит плохо дело.

– Мы умрем, ваше величество? – камеристка дрожала, словно кленовый лист, вжавшись в мягкий бархат диванчика.

Не желая строить предположения, я вышла из кареты и стала свидетелем крайне неприятной сцены: сцены убиения моих сопровождающих. Лучники успели уничтожить четверых прежде, чем до них добрались разбойники. Адептки Ордена, спешно выставив щиты, отбивались боевыми пульсарами, но нападающих было слишком много для них. Нет. Я не могу

попасть в плен. И не могу позволить моим людям погибать. Остановив двух наемников пульсарами, я подбежала к adeptкам. Одна уже получила ранение в живот, но лечить ее во время схватки невозможно. Кучер мертв. К моим ногам осело безжизненное тело в фиолетовом облачении... Помощи ждать неоткуда. Нападающие подошли слишком близко, чтобы можно было отбиваться пульсарами. Вытащив из ножен погибшей adeptки меч, я примерилась к оружию, несколько раз крутанув им в воздухе, и принялась танцевать со смертью.

В обители меня учили многому, в том числе и искусству боя, но не в ворохе тяжелых юбок. Неуклюже отскакивая от выпадов, я теряла куски ткани и получила несколько царапин, едва блокируя удары, посылаемые сильными мужчинами. О том, чтобы перейти в контрнаступление и речи не было.

– Спасайтесь, бегите, ваша светлость! – умоляла adeptка, из последних сил отражая атаки.

Должна. Знаю, должна, но не могу бросить ее. Одна она не выстоит. Против нас шестеро мужчин, облаченных во все черное с вышивкой золотого дракона на груди. Насколько же я плохо знаю свою Всеславию и обстановку внутри страны. Если останусь в живых, мне придется наводить порядок. Если...

Глаза цвета осенней листвы замерли и их свет погас навсегда. Я осталась совершенно одна против пятерых наемников. У меня ни единого шанса. Впрочем, судя по тому, что противники спрятали мечи, меня не собирались убивать. Планировалось похищение, но от этого не легче. У меня нет времени на эти игры. Успокоившись, я призвала силу и выставила вокруг себя щит. Ни одна живая душа не сможет ко мне прикоснуться. Его хватит ненадолго, ведь он стремительно осушает резерв. Следовало срочно что-то придумать. Вот только что?

– Да поможет мне Отец Заступник, – тихо взмолилась я.

Никогда не думала, что молитвы имеют настолько быстрый эффект. Наемник передо мной застыл с удивленным выражением лица и упал вперед себя. Из спины торчала рукоять кортика. Я обернулась в поисках неожиданного спасителя. Наемники повторили мой жест. Еще один кортик и второй из них осел на землю. Оставалось четверо.

Издав устрашающий крик, из-за ольхи выскочил мужчина. Судя по облачению – королевский воин. Обо мне сразу же забыли, поскольку безобидная с виду аристократка не вызывает опасения, в отличие от вооруженного до зубов представителя гвардии. Я сняла щит и спряталась за коней, чтобы отголоски боя ненароком не задела меня.

Честно признаться, я впервые любовалась сражением. Насколько искусно мой спаситель кружился среди противников, подныривая под мечом и нанося сокрушительные удары, уклоняясь от неопытных атак и возвращая справедливую кару. Все закончилось быстро. Остались только мы вдвоем. Выглядывая из-за коня, я с опаской наблюдала, как мужчина, откинув за спину белоснежные пряди, выбившиеся из стянутого на затылке хвостика, очищает меч от крови врагов.

– Вы уже можете выйти, ваше величество.

Что? Ему все известно?

– Представьтесь, – потребовала я и замерла, глядя в изумрудные глаза мужчины. На порядок выше меня, широкоплечий, мускулистый. Выправка свидетельствует о принадлежности к благородному роду. На нем легкая кольчуга поверх белоснежной хлопковой рубахи. За спиной лук, по бокам кортики, которые он с хрустом вытащил из врагов. К поясу приделаны ножны. За спиной плащ с эмблемой щита и меча. Неужели из рода Найтингейлов?

– Лорд Лерой Найтингейл, к вашим услугам, миледи, – чуть склонив голову, произнес он, подарив мне ироничный блеск глаз. Да как он смеет? – Нам необходимо идти, скоро здесь будет их подкрепление.

– Я никуда с вами не пойду! – пожалуй, хоть в этот раз нужно принять верное решение. Я не уверена, что передо мной именно лорд Найтингейл. Я помню его совсем мальчишкой. Озор-

ной белобрысый мальчуган с искрящимися изумрудными глазами. Мы играли в догонялки по дворцу, хоть он и был старше меня, и задорно смеялись. Время меняет. Теперь перед ним стоит женщина с волосами цвета вороного крыла и аквамариновыми глазами, а передо мной – взрослый опытный мужчина. Воин. – Будет более мудро дожидаться моей делегации.

– Что, прямо здесь, на тропе? – он вытащил второй кортик из разбойника и, вытерев кровь об него же, примостил за ремешок. – Вы дождетесь только разбойников. Делегации не будет.

– С чего такая уверенность? – его самоуверенный тон задевал.

– Потому что делегация уничтожена, – мужчина развел руками, отмахиваясь от меня, скорее как от надоедливой мухи, нежели давая отчет своей королеве.

– Кем уничтожена?

– Мной, ваше величество, – улыбка стала опасной. Я даже сглотнула невольно, завороженная выражением лица лорда. – Мы действительно должны поспешить.

Я стояла как вкопанная, наотрез отказываясь двигаться.

– Я никуда с вами не пойду. Вы только что сознались в убийстве кортежа, который должен был сопроводить меня в целостности и сохранности в Ардлис, а теперь хотите и меня... – последние слова произнесла уже на плече лорда Найтингейла, который, совершенно не чувствуя под собой ношу, уверенными большими шагами двинулся в сторону леса. – Прекратите это немедленно! Поставьте меня на землю! Я вас четвертую!

– Хорошо, – с полуулыбкой произнес он. – Сначала доставлю в Ардлис, а там посмотрим.

– Что значит посмотрим? Я королева Всеславии!

В таком положении, на плече у мужчины, пусть и привлекательного, но это сути дела не меняет, подобное заявление казалось не столь весомым, как на земле в окружении представителей гвардии. Но ни этих самых представителей, кроме лорда, ни земли под ногами у меня не было, а потому, обреченно обвиснув мешком у него на плече, я скорее из приличия, нежели из необходимости нехотя колотила его кулаками по спине, прекрасно понимая бесперспективность подобного занятия. В ответ он ударил по моему королевскому задку.

– Что вы себе позволяете, лорд!? – возмутилась я.

– Будете брыкаться, еще и не то позволю. Ваше величество, – добавил он со смешком и, наконец, поставил меня на землю.

– Докажите, что вы лорд Лерой Найтингейл? – вздернув носик, приказала я, отходя от мужчины подальше и принимая более подобающий вид. Хотя, кого я пытаюсь обмануть? Сердце чувствует, что передо мной все тот же заносчивый и слишком самоуверенный мальчишка, который уже тогда, в детстве подавал пример другим детям. Своей силой, выдержкой и умением обходиться с женщинами.

– Помню, однажды, заигравшись с куклами, вы намочили панталоны и, не желая признаваться в этом нянечке, просили меня посторожить двери, пока вы изволите сменить облачение. Кажется, вам тогда было три года.

Задыхаясь от гнева под блеском смеющихся надо мной глаз, я уже не чувствовала себя королевой. От гордости, уверенности и достоинства не осталось ничего. С каменным выражением лица, и прожигающим костром ненависти в глазах, уставилась на мужчину.

– А в пять лет, на ваш день рождения, в саду, под кустом цветущих пионов, я впервые вас...

– Достаточно! – спешно оборвала речь лорда. – Я поняла. Сомнений больше никаких.

– Тот поцелуй, миледи, до сих пор обжигает мои губы, – он провел кончиками пальцев по губам и задорно рассмеялся, наслаждаясь моим ненавидящим взглядом. Самодовольный, самовлюбленный, уверенный в своей неотразимости... даже не могу подобрать прилагательное, способное описать всю степень его гадости!

– Мне было пять! – возмутилась я. – Довольно, лорд. Это не время и не место, чтобы шутить!

Он одним сильным движением подтянул подпругу на коне и, потрепав его по крупу также, как до этого потрепал меня, улыбнулся. Это что еще за грязные намеки своей королеве?

– Давайте все проясним! – поскольку воин его уровня ведет себя спокойно, опасности, что на поляну выскочит очередная толпа наемников, нет. Следовательно, можно обсудить сложившуюся ситуацию.

С одной стороны, я безмерно рада, что теперь не одна. Насколько знаю из курсов дипломатии, которые мне преподавали в обители, Найтингейлы – первые после нас претенденты на престол. Лерой – старший сын. А раз так, значит, вхож в Закрытый Орден Отражателей и обладает невероятной силой. Это объясняет, почему мужчина так скоро меня нашел. Поискковые заклинания – их конек. Что хорошо – я под надежной защитой. И плохо – ведь он уничтожил мою делегацию. Впрочем, не стану делать поспешных выводов.

Расправив плечики – привычный жест, скорее для придания внутренней уверенности в себе, нежели несущий практический смысл, прошлась по поляне под испытующим взглядом. Внимательно окинула лорда с ног до головы. Ни единого ранения после сражения с целой делегацией. Либо силен настолько, что даже не верится, либо все же передо мной не Лерой Найтингейл. Ведь их род воинов владеет лишь одной магией – отражения. Я очень просто могу это проверить.

– Лорд Найтингейл, – степенно начала я. – Чтобы убедиться, что вы тот, за кого себя выдаете...

– Остались сомнения? – перебил он.

– Не смейте перебивать вашу королеву! – под ироничный блеск глаз сложно держать величественность образа. Подавив улыбку, он чуть склонил голову в знак покорности и уважения. – Эти факты известны. Хоть и узкому кругу. Но есть надежный способ убедиться. Вы согласны пройти проверку? – вздернула бровь. Момент истины.

– Разумеется.

– Хорошо, – вздохнув, я размяла пальчики и, крепче закутавшись в шаль, подошла к мужчине вплотную. – Только не нужно обольщаться, – пресекла все недостойные мысли на корню и положила ладони на его грудь. Удар сердца, другой. Да. Чувствую. Заглянула в его глаза, едва не забыв, зачем вообще все это затеяла. Мир вокруг утратил краски и звуки. Только тепло и выжидательный взгляд, до которого, казалось, сузилась вся вселенная.

– Миледи? – окликнул он. Пришла в себя и, стараясь не чувствовать, как наливаются стыдом щеки, сдвинула брови, позволяя энергии выйти наружу.

– Отдайте мне свой меч, лорд, – это было внушение. Тут же энергия, отправленная мужчине, перетекла обратно в мои замерзшие от осеннего воздуха ладошки, согревая их.

– Может, я лучше снова вас поцелую? Для надежности. Чтобы вы убедились? – стискивая меня в объятиях, ухмыльнулся мужчина.

– Просто отпустите меня, – я мягко отстранилась и потерла ладонями виски. Произошел откат. Передо мной истинный представитель Закрытого Ордена отражателей. Передо мной лорд Лерой Найтингейл. Что ж. Это прекрасно. Расправив то, что осталось от моего траурного платья, я, с достоинством королевы, присела на бревно и повелела мужчине поведать причины, по которым он позволил себе сократить численность моих верных защитников. Попутно усомнившись в его способностях сделать это в одиночку без единого шрама. Захотелось задеть его самолюбие и поставить на место.

– Вы давно не были в Ардлесе, миледи, – прислонившись к ольхе, заметил он. – Род Найтингейлов верой и правдой служит короне. Но не все сохраняют прежнюю лояльность. Увы, в кортеже были предатели.

– Что, сразу все?

– Сразу все, – отрезал он.

– Не верю. Так не бывает.

– Когда за дело берется лорд Монрейн и не такое бывает!

– Зачем лорду Монрейну моя смерть? В случае моей гибели на престол взойдет, – я осеклась и едва сдерживалась, чтобы не повысить голос. Меня раздражало его постоянное веселье. И это лучшая кандидатура, если на мне прервется правящий род? – Да какой из вас король. Вы же шут гороховый, – прыснула я.

– Лучше быть шутом, чем депрессивной монашкой.

– Я только что узнала о гибели своего батюшки! Имейте хоть каплю совести! – это был удар ниже пояса. Сжав кулачки, я вскочила только для того, что бы отвернуться.

– Простите миледи... я... это было недопустимо, – кажется, говорил искренне. Но только слова ранят легко. А затягиваются эти раны мучительно долго. Тревога сгустилась в воздухе. Запах костров усиливался. Крестьяне, вопреки указу отца, жгли осенние листья. Если бы не сырость, свойственная осенней погоде этой части Всеславии, разразились бы страшные пожары. Сырость... я пригладила пряди, уложенные в аккуратную прическу. От влаги волосы пушились, создавая вокруг моей головы ореол, а шляпка потеряна во время сражения.

Владычица учила с достоинством принимать тяготы и не реагировать на хамство. Истинная леди, твердила она, не обращает внимания на недостойное поведение джентльмена, ведь ничто не способно унизить ее достоинство. Она знает себе цену и ведет себя соответствующим образом. Увы, за всю жизнь мне доводилось общаться лишь с учителями, монахами и некоторыми слугами. Таких образчиков как Лерой в моем окружении не было, потому навык реакции на хамство и недостойное поведение не был отработан и закреплён. В монастырском воспитании имеются свои недостатки.

– Неважно. Как вы планируете доставить меня в Ардлис? – изо всех сил сдерживала слезы. Только сейчас накатил страх после нападения разбойников. Только сейчас начало приходить осознание, что все это всерьез и я одна, совершенно одна против врагов, которых даже не знаю в лицо. Сердце защемило от боли. Растирая ладошкой грудь, принялась слушать предложения лорда.

– К вечеру мы доберемся до Ридана. Остановимся в одном из домов лорда Гринвалена. Следующая остановка в Сан-Себастьяне, куда проедем, следуя центральным трактом. После завтра прибудем в Ардлис.

– Какова обстановка в столице? Мою кандидатуру поддерживают?

– Информация о Беатрис прибыла в Ардлис еще два дня назад, – надо же, как быстро работают тайные шпионы, – хотя слухи ходили и ранее. За вами обеими выслали кортежи. Возможно, это и к лучшему, что она сбежала. Во всяком случае, теперь ей ничего не угрожает. Чего нельзя сказать о вас. Открытого противостояния вашей кандидатуре нет. Отец, хоть и стар, но этого не допустит. Однако волнения усиливаются. Лорды высказывают опасения, способны ли вы править без регента. При всем уважении, вас не готовили к такой ноше. Ваша матушка по понятным причинам не способна взойти на престол или помогать вам.

– Что? – изо всех сил стараясь сдерживать гнев, я развернулась. – И кого они прочт мне в регенты?

– Лорда Монрейна.

– Этому не бывать. Немедленно возвращаемся к карете, нужно поспешить.

– Боюсь, ваше величество, мы не вернемся к карете, – вздернула бровь, не желая снова слушать его шуточки. Кажется, мужчина говорил серьезно. – Это слишком опасно. Путь продолжим верхом. В Ридане сменим ваше облачение и представим вас простой аристократкой. Лучше – моей невестой.

– Вашей невестой? Вы в своем уме?

– Признаюсь, рядом с вами находиться в своем уме – крайне тяжелая задача, – не знаю, воспринимать как комплимент или оскорбление. – Тем не менее, вы сделаете так, как я сказал.

– Иначе что?

– Через плечо и высеку, – заверил он, ловко вскакивая на вороного коня и подавая мне руку.

Здесь, сейчас, в лису без рычагов власти, я понимала, что лучшей реакцией на подобное хамство будет полное игнорирование неуместных замечаний. Не стану тешить его самолюбие.

– Не понимаю вашего жеста, – он же не думает, что будущая королева поедет верхом на одном коне с мужчиной.

– Либо так, либо пойдете пешком. Времени нет.

– Но, мои вещи... отцовские письма... Я должна вернуться к карете и забрать их. К тому же, там моя камеристка!

– Камеристка мертва. Выбирайте, миледи, что для вас важнее. Ваше прошлое, которое уже не вернуть, или будущее Всеславии?

Стиснув зубы и тяжело вздохнув, я приняла руку мужчины. Слухи о силе лордов Найтингейлов оказались правдой. Несмотря на ворох тяжелых юбок, Лерой одним движением подсадил меня на коня и помог устроиться в седле перед собой. По понятным причинам ехать как мужчина я не могла. Приходилось сидеть в седле по-дамски, свесив ноги перед собой и располагаясь боком к ходу движения. Сложнее всего то, что приходилось дозволить стискивать себя в объятиях. Лорду Найтингейлу необходимо держать поводья. Вопреки заверениям, что я сама в состоянии управлять лошадью, он крепко держал вожжи и не позволял мне перенять инициативу. Как я буду управлять страной, если мне даже лошадь не доверяют? Впрочем, Владычица учила, что мудрая леди, устраивая хозяйство, всегда знает, когда необходимо поручить дело профессионалу, а когда вмешаться самой.

Я вглядывалась в его лицо, как ни странно, сейчас необычайно суровое. В нем не было прежней веселости и легкости. Резкие линии скул, гладко выбритый волевой подбородок – отличие аристократов. Носить бороды благородным мужчинам не позволялось. Прямой нос с небольшим шрамом и два искрящихся изумруда. Они светились неестественным образом. Не может быть, чтобы Лерой оказался обычным воином, лишенным магии. Насколько помню из занятий по политологии, род Найтингейлов – носители древней силы. Силы столь же великой, как и сила нашего рода. Вот только мне не удалось узнать все секреты, поскольку отец ушел преждевременно, а на роль королевы готовили Беатрис. Свое место я знала – веселиться на балах до тех пор, пока не выдадут замуж за принца. Мне прочили Уилиама – принца Эльфийского или Даркела – принца демонического. Нам необходимо укреплять отношения с этими расами, поскольку лояльность – не мирный договор. А принцессы и принцы испокон веков считались разменной монетой в деле дипломатии. И я смирилась с такой участью. А сейчас, что мне делать и как себя вести?

Лерой подстегнул коня и тот перешел на рысь. Подскакивая от быстрой езды, я непроизвольно вцепилась ладонями в руку и грудь мужчины, чтобы не свалиться. Промелькнувшая в его губах улыбка тут же была стерта моим гневным взглядом. Пусть не позволяет себе лишних мыслей. То, что было в пять лет – детские игры. Это не считается и не дает ему повода относиться ко мне как к обычной девчонке, которая поддастся его обаянию. А это, признаться, оказалось проще простого. Заставив себя оторвать взгляд от его величественного облика, я повернула голову по направлению движения.

Перед нами Всеславия в ее девственно прекрасном облики: луга, усыпанные поздними цветами, отдающими воздуху горьковатый аромат; смешанные леса, то светлые, словно древние храмы Религии светлой истины, усыпанные белоснежными колоннами, то темные, как лабиринты подземелий нашего дворца, где однажды в детстве мне удалось побывать. Солнце

устало сползало к горизонту, еще не утопая в липком вишневом сиропе заката, но уже не питая воздух поздним теплом.

Наконец, устав от дороги и постоянной тряски и не выдержав более тягостного молчания, я разорвала тишину.

– Расскажите, как ушел мой батюшка?

Прикрыв на мгновение глаза, Лерой стиснул зубы и коротко ответил:

– С достоинством.

– Что? – вспыхнула я. Достойная смерть – это смерть в бою за Отца Заступника или неприкосновенность царской власти. Никакая другая смерть не может быть признана достойной. – Кто это был?

– Я не знаю, ваше величество. Мне очень жаль.

Грудь тяжело вздымалась, глотая холодный осенний воздух. Я едва не задыхалась от возмущения, боли и гнева. Выходит, отца убили. Его убили!

– Где это произошло? Как? Я требую ответа!

– И я бы дал его. Но, увы. Все, что мне известно – во дворце произошла смута. Несколько инзраинцев ворвались в покои его величества. Защищая себя и ее королевское величество, он пал от меча инзраинца.

– Давно пора стереть с лица Эстамина эту расу! – слезы застыли на глазах, покрыв горькой пеленой все вокруг. Судорожно смахнув их, я заявила: – Клянусь своей жизнью, клянусь всем святым, как только взойду на трон, все причастные к убийству моего батюшки будут казнены. Все. До одного. А Инзраинцы получают ровно сутки, чтобы собрать вещи и покинуть пределы Всеславии, иначе познают мощь и гнев нашего меча!

– Ваш батюшка был интеллигентным и мудрым правителем. Но чересчур мягким. Если бы он поступил так, как вы говорите еще во времена первого восстания, все было бы иначе.

– Первого восстания? – почему в монастыре мне ничего об этом не рассказывали? Оказывается, власть уже была под угрозой, а я росла и цвела, распевая песни и листая вестники, думая, что все прекрасно!

– Миледи, нам необходимо добраться до Ардлиса. Мой отец введет вас в курс дела.

Что ж. Возможно в его словах имеется истина. Я не знала, как обстоят дела в столице и это заставляло нервничать. Как только доберемся до ближайшего селения, повелю устроить привал и отправлю своих вестников – воронов. Будут моими глазами, покажут, чего ждать и к чему готовиться. Слегка успокоившись, я сама не заметила, как от монотонной езды и одинаковых пейзажей задремала, упав головой на теплую грудь лорда. Наконец-то судорожный холод не пробирает до самых костей. Наконец-то тепло и спокойно, словно я дома...

– Миледи, – дыхание лорда огнем опалило кожу моего лица. Резко распахнув глаза и дернувшись, я стукнулась лбом об его подбородок. Мы недовольно уставились друг на друга.

– В чем дело? – краем глаза заметила, что мы остановились возле неприметного деревянного здания. Не похоже на поместье рода Гринваленов. Даже в сгущающихся сумерках здание не тянуло и на сарай родового замка.

– До Ридана несколько часов пути. Я решил, что вы захотите размяться и поужинать, – он ловко спрыгнул с коня и посмотрел на меня.

– Увы, лорд. У меня ни рама. Вряд ли здесь подают бесплатно.

Мужчина протянул мне руку, предлагая помощь в спешивании и совершенно бесплатную улыбку. Излишняя веселость лорда меня нервировала. Как он может вести себя столь вольно и непринужденно перед лицом опасности? Мои нервы напряжены до предела, как перетянутые струны лиры. Под неумелыми пальцами музыканта, несомненно, порвутся, причинив боль игроку и тем, кто рядом. Я не могу себе позволить срывы. Но где найти силы с достоинством принять свою новую судьбу?

– Так уж и быть, угощу даму, – ироничная улыбка. – Побуду джентльменом.

– А вы знаете, каково это? – предполагалось, что я изящно спущусь при помощи поддержки лорда Найтингейла. Но в последнее мгновение наглый воин убрал руки, от чего я раненой вороной скатилась к ногам лошади, едва не сев королевской попой на пыльную и даже не мощеную дорогу. Вскочив на ноги и расправив складочки потрепанного разбойниками платья, гордо вскинула голову, сложив руки на груди.

– Это как понимать, лорд?

– Пытаюсь соответствовать вашим ожиданиям, – он отсалютовал мне рукой и скрылся за деревянными дверьми, ведущими, судя по всему, в корчму. То есть меня, ее королевское величество Вилиану Шален Кенигстейл пытается учить манерам мой же подданный? Ну, я ему устрою!

Вошла в заведение с боевым настроением. Но, стоило окинуть взором помещение, как настрой кардинально поменялся. Нищета этого места заставила обо всем забыть. Небольшая комнатка с тремя посеребренными от старости деревянными столами. Они даже не отполированы и вполне могут наградить занозами. Не говоря уже о лавках, которые не предусматривали спинки для поддержки спины. Возможность тайком навалиться на спинку – настоящее наслаждение для истинной леди, которой приходится целыми днями разгуливать с идеальной осанкой. Казалось бы, дело привычки. Но от такой привычки к вечеру ужасно стонут мышцы...

Половицы поскрипывали при каждом неуверенном шажочке. Мне было горько, горько и до боли стыдно, что я, представитель правящей династии, спала на пуховых перинах, одевалась в сатин и бархат, принимала горячие ванны и ела блюда с фарфоровых тарелок, опыленных золотом. Батюшка предпочитал исключительно серебряную посуду, поскольку заговоренное магами серебро реагирует на все известные магические и не магические яды и проклятья. Здесь же не было ни серебра, ни фарфора. Лорд Найтингейл, держа в руках погнутую алюминиевую ложку, быстрыми уверенными движениями отправлял в рот картошку, кажется, с мясом, с обычной стеклянной тарелки. Краешек сколот... Рядом с тарелкой – простая глиняная кружка. Точно такая же сервировка с моей стороны. Ни вилки, ни ножа, ни даже салфетки. Я понимаю, что крестьяне и аристократы живут по-разному. Понимаю. Мне преподавали политологию, социологию и теорию государства и права. Но наглядную демонстрацию слов из учебника увидела только сейчас. И она произвела на меня шокирующее впечатление. За высокой деревянной стойкой скупающе, подперев рукой подбородок, сидел упитанный мужчина с жесткой черной щетиной усов и лузгал семечки. В глазах – обреченность. Все это место нагоняло уныние, и даже сидящий в уголке гармонист наигрывал заунывную мелодию, навевающую тоску.

– Леди Найтингейл, – бархатистый голос воина прошил стальной ноткой. Обернулась в поисках предполагаемой леди, но никого, кроме меня, знатного происхождения не было. Повернула недоумевающий взгляд на мужчину. – Леди Найтингейл, – повторил он, видимо, чтобы я привыкла к подобному обращению, что, несомненно, крайне затруднительно. – Вы брезгуете отведать местную кухню? Уверяю, несмотря на бедную сервировку, вкус местной картошки ничуть не хуже, чем в обители Пресвятой Девы.

Меня возмутило подобное предположение. Неужели я создаю впечатление избалованной принцессы в платье с розовыми рюшечками, которая только и делает, что кукусит носик и боится запачкаться? Да. Я шокирована. Но совершенно иными обстоятельствами.

– Они... – едва найдя силы для слов, присела на лавку, сохраняя идеальную осанку. – Они всегда так живут?

Еще раз посмотрела на мужчину с глазами цвета тоски. На нем худая хлопковая рубаха, некогда белая, а сейчас неоднократно застиранная, с заплатками. Широкие хлопковые же штаны точно в таком же состоянии подпоясаны обычной бечевкой. Я смогла хорошо его раз-

глядеть, когда мужчина подошел, чтобы поставить на стол свежее испеченный каравай. Шершавые мозолистые руки.

От сладкого и такого родного запаха хлеба мой желудок издал звуки, неподобающие леди. К чести лорда, он проигнорировал конфуз, подарив впервые за все время серьезный, даже испытующий взгляд.

– Всегда, леди Найтингейл.

– И давно это началось? – еда не лезла в горло, несмотря на то, что есть хотелось очень сильно. С момента выезда из обители я так и не обедала. Всю еду раздала жителям Старых Лук. Им нужнее, чем мне.

– Что вы имеете в виду? – мужчина тоже оторвался от еды и внимательно на меня посмотрел.

– Лерой, вы что, не замечаете? – сама не обратила внимания, как на эмоциях назвала его по имени. – Разве люди могут жить в таких условиях?

– Они же крестьяне и привыкли так жить.

– Но... это же бесчеловечно! Неужели у них недостаточно денег, чтобы позволить себе хорошую одежду, справный пол и надежную крышу? – словно в подтверждение моих слов, с потолка прямо на наш стол упала крупная капля. Осенняя сырость конденсатом скапливалась под гниющим деревянным потолком, роняя вниз дурно пахнущие капли.

– Недостаточно, – подтвердил мои опасения лорд.

– И мой батюшка допустил подобное? Когда это началось?

– Мне сложно ответить на ваш вопрос, леди. Экономический крах Всеславии начался еще во времена правления Вселодуса.

– Моего дедушки?

– Да. Примерно век тому назад. Именно тогда лорд Монрейн взял в жены инзраинку, сестру инфанта Инзраина. Нынешнего короля. Поговаривали, что с тех пор на Всеславию обрушились многие беды. В том числе и ветра, несущие лихорадку.

– Это же строжайшее нарушение завета! Как ему позволили такой брак?

– Я не знаю, как так получилось. Но ни один род не выступил против этого и не потребовал изгнания и лишения сил Монрейнов. Ни один, леди Найтингейл, – он вернулся к прерванной трапезе.

– Перестаньте называть меня так. По крайней мере, когда рядом никого нет, – нехотя взяла алюминиевую ложку, почувствовав на пальцах холод незнакомого металла. На удивление легкая, по сравнению с серебряными столовыми приборами. Зачерпнула картошку, попробовала. Лорд оказался прав: не только не хуже, чем в обители, но даже вкуснее. Заметила, что мужчина с любопытством наблюдает за моим экспериментом.

– Что? – смутилась я, испытывая немалое неудобство от того, что не могу промокнуть губы салфеткой. На верхней губе застыл соус. – Не подскажите, где здесь уборная?

Подарив мне очередной веселый взгляд, мужчина провел большим пальцем по моей губе и слизнул с него соус.

– Все. Ваше достоинство сохранено, ведь неудобно должно быть мне, а не вам, – он тихонько усмехнулся и, отломив от каравая большой кусок, еще дымящийся теплом печи, протянул мне.

Я хлопала ресницами, до сих пор ощущая на губе тепло его пальцев. Неужели он и правда сделал то, что сделал? Невзирая на мой социальный статус? Недопустимая дерзость. Но почему-то приятная.

– Лорд Найтингейл, – едва слышно прошептала я, требуя объяснений.

– Во-первых, – устало вздохнув, он снизошел до объяснений. – Вы – леди Найтингейл. Моя жена. Мы тайно обручились в монастыре Пресвятой Девы и возвращаемся в Ардлис.

– Но почему не сестра?

– Мои сестры известны всему высшему свету, – он развел руками и снова улыбнулся, от чего его изумрудные глаза, кажется, даже вспыхнули волшебным огнем. – Поэтому только жена. Во-вторых, никогда нельзя знать наверняка, есть ли кто рядом. Вас учили быть красивой, меня – сильным. Пока вы отрабатывали навыки балльных танцев, меня тренировали защищать вас.

Щеки вспыхнули огнем. Он на что намекает?

– Потому в вопросах тактики и вашей защиты вы подчиняетесь, – заметив мой открывшийся рот, желавший возразить, он отрезал на корню. – Беспрекословно. Иначе...

– Через плечо и выпорете? – приподняла бровь.

– Без промедления.

– Вы сознаете, кому говорите подобные вещи? – наши взгляды скрестили шпаги. Изумрудный и цвета весеннего льда. Кажется, я начала понимать, почему вся эта ситуация так забавляет лорда. После меня – он первый претендент на престол. Ему крайне выгодно, если я, скажем, случайным образом упаду с лошади и не доеду до Ардлеса. В конце концов, что я о нем знаю, кроме того, что мужчина невероятно хорош собой, прекрасно владеет мечом и невосприимчив к магии? От желания применить к нему внушение нестерпимо чесались кончики пальцев. Как жаль, что это бесполезно.

Вместо ответа мне подарили наглую улыбку.

– Вы... самодовольный, надменный и напыщенный... – я планировала изложить стройный ряд из пяти или даже шести прилагательных, характеризующих все открывшиеся мне оттенки личности лорда Найтингейла. Увы, возможностью говорить с куском хлеба во рту я не обладала.

– Здесь прекрасный хлеб, леди Найтингейл. Попробуйте, вам понравится.

Если бы лакрии умели выжигать взглядом, все заведение в один миг осело бы пеплом. Тем не менее, оттолкнув руку лорда, я попробовала хлеб и нашла его действительно очень вкусным, а потому принялась обедать. Все же впереди долгий путь и мне понадобятся все силы. Оттачивать мастерство реагирования на хамство лучше с закрытым ртом.

Не сразу, но заметила, как из-за стойки за мной с любопытством и тревогой наблюдает девочка лет восьми. Мягко улыбнулась, от чего малышка отважилась подойти ближе. Она держала в руках небольшую доску и кусочек угля.

– Привет, малышка. Как тебя зовут?

– Иллория, леди. Вы очень, очень красивая! Как моя мама.

– Спасибо. А где твоя мама?

– Ее забрал Отец заступник, два года назад, – малышка горестно вздохнула, опустив синие, как морская волна глазки. Лакрия во мне почувствовала ее боль. Сильнейшую пустоту в сердце. Мама для этого маленького создания заменяла целый мир. – Проклятая лихорадка... Можно я вас нарисую? Чтобы смотреть на рисунок и вспоминать мою маму?

Непроизвольно положила ладошку на грудь, стараясь не поддаваться чувствам.

– Конечно, дорогая, – позволила я и мягко улыбнулась.

Заметив, как девочка уселась за столик знатных господ, хозяин трактира поспешил осадить дочь. Девочка, слегка высунув язык, чертила на доске мелом закорючки.

– Иллория, не отвлекай гостей от трапезы. Простите, леди, вы очень похожи на мою усопшую супругу, вот малышка и не удержалась.

– В этом нет ничего предосудительного, господин...

– Отец заступник с вами, леди. Я Самуил Трактирщик, – теребя фартук, извинялся мужчина.

– Самуил Трактирщик? – удивилась я и обратила взгляд на лорда.

– Крестьянам не положено иметь фамилии, – подтвердил он. Сложно в это поверить.

– Как же в таком случае, обращаются к вашей дочери?

– Иллария, дочь Самуила Трактирщика, – пояснил он.

– Уму непостижимо.

В трактир зашло еще несколько путников и, откланявшись, трактирщик поспешил обслужить господ. Одеты бедно, но справно. Не из благородного сословия. Толчок под столом вывел меня из задумчивого состояния и, уставившись на лорда, я выразила недовольство.

– Лорд, перестаньте.

– Вы о чем, миледи?

Толчок повторился. Да что он себе позволяет, еще и глядя мне прямо в глаза?

– Об этом! – зашипела я, когда почувствовала третий толчок и, нарушив правила приличия, нагнулась, чтобы заглянуть под стол. Лорд действительно был ни при чем. Увлечшись рисованием, девочка зарывала свои босые ноги в моих многочисленных юбках. Видимо, чтобы согреть их. Я выпрямилась и непонимающим взглядом уставилась на Илларию.

– Дитя, где ваша обувь?

– Сегодня очередь Санни. Потерпите, Леди, еще немного осталось.

– В каком смысле очередь Санни?

– Вчера я носила ботинки, а сегодня носит она, – не обращая на меня внимания, она заправила за ушко прядку пшеничного цвета и, смочив уголек, продолжила рисовать. И щебетала таким тоном, словно это само собой разумеющиеся вещи.

– У вас что, одни ботинки на двоих? – шепотом, как бы стесняясь своего предположения, спросила я.

– Нам еще повезло, леди, – она, наконец, подарила мне взгляд. Слишком осмысленный для восьми лет. Взгляд человека, который прошел через куда большие трудности, чем я. Ни один ребенок не заслужил страданий. Ни один. Мой долг как королевы сделать так, чтобы каждый подданный имел возможность заработать себе на достойную жизнь. – Вот у моей подруги, Лельки, дочери Михайлы Бояниста, он вон в углу играет, вообще в семье ботинок нет. А нам от мамы достались.

– Ты очень любила свою маму? – в груди разлился раскаленный свинец боли. Я чувствовала страдание девочки и осознала собственное.

– Очень, леди, – смахивая слезу, девочка улыбнулась. Какая выдержка. Какая храбрость! Как дается такому маленькому человечку подобная жизненная стойкость?

– Если позволишь, я отойду на минутку. Хочу сделать тебе подарок.

Девочка улыбнулась и, проводив меня взглядом, продолжила рисовать. Лерой хотел подняться и сопроводить меня, но я жестом показала, что не нужно. Нашла уборную, привела себя в порядок и сняла туфли. У меня маленький размер, а девочка скоро вырастет и сможет их носить. Подложив тряпочку, сможет носить уже сейчас. Без каблучков я стала ниже, и подол платья опустился до самого пола, скрывая босые стопы. Грубые деревянные доски неприятно холодили ноги. Сделав пару шагов по залу, сморщилась, поймав занозу, но, стиснув зубы, прошла к столу. Лорд Найтингейл, увидев в моих руках мои же туфли, сдвинул брови, но смолчал. Я присела перед девочкой на колени. Не как королева, но как мать своего народа.

– Можешь дать мне свою ножку, Иллария?

Девочка, не раздумывая, оторвалась от рисования и протянула ногу. Грязная, с кровавыми ранками и множеством заноз. Сердце сжалось. Как она может ходить с такими ногами и даже не морщиться от холода и боли? Я только что посадила занозу и едва сдерживалась, чтобы не застонать.

– Тебе не больно? – я накрыла ладонью ноги девочки и теплая энергия, защекотав кончики пальцев, заструилась вниз.

– Я привыкла, – хмыкнула она и звонко рассмеялась. – Ой, леди, щекотно-то как.

– Знаю, малышка, потерпи, – улыбнулась, поглаживая ее стопы. – Вот и все.

Ранки и синяки девочки затянулись. Удивленно глядя то на меня, то на лорда, девочка хлопала глазами.

– Вы волшебница? – болтая здоровыми ногами, удивилась она.

– Почти. И вот тебе обещанный подарок, – я надела на ледяные стопы Иллариин туфли. Они оказались почти впору.

Серьезные синие глаза глядели на меня с непониманием. А потом маленькие ладошки погладили по лицу и девочка, сдерживая изо всех сил слезы, улыбнулась.

– Вас моя мама послала, да?

– Да, дочка. Меня послала твоя мама и просила передать, что ты очень отважная девочка, – положив руку на грудь малышки, я впитывала ее боль, оставляя в памяти лишь светлую грусть. Наполняя пустоту потери светом пережитой любви. – И она гордится тем, какой ты стала.

– Спасибо, – очень осознанно и серьезно произнесла Иллариин и протянула мне доску. – Похоже получилось? Правда, она красавицей была?

С доски смотрел большой круг лица с двумя точками глаз и длинным полукругом улыбки. Ниже несколько палочек: ручки, ножки и треугольник юбки.

– Да. Она была красавицей, – согласилась я.

– У вас дырочка на платье. Хотите, зашью? Я очень хорошо умею зашивать, правда. Вот, смотрите, – она продемонстрировала аккуратный шов на своем платице. Руки маленькой девочки зашивали ошибки моего отца.

– Дорогая, нам с лордом пора отправляться в путь, – мягко сказала я.

– Доброй вам дороги, леди, – девочка поцеловала меня в щеку и убежала к отцу хвататься обновкой, смешно переставляя ножки в туфлях, больших по размеру.

Сердце сковала невыносимая боль. Любая магия имеет цену, даже та, что течет по венам. Я не уничтожала чужую боль, а забирала ее. Девочка любила мать также сильно, как я любила отца, и теперь мир казался мне пустым и разбитым. Пустота внутри росла, осознание, что больше никогда не посмотрю в его глаза, не обниму, не почувствую тепла шершавых ладоней, раздирала душу.

– Лорд, – голос дрожал, но я старалась сдерживаться. – Возьмите в дорогу хлеба. Он мне понравился. И щедро рассчитайтесь с Самуилом Трактирщиком.

– Вы очень похожи на своего отца, – наконец мужчина прервал свое молчание, глядя на меня то ли с удивлением, то ли с восхищением. Собиралась выйти на улицу, но развернулась и осталась.

– Каким он был?

– Добрым. Слишком добрым. Всеславия оказалась недостойна такого короля.

– Тогда как он это допустил?

Лорд не успел ответить. Трактирщик, сжимая в руках мои туфельки, подбежал к нам.

– Леди, мы не можем принять такой подарок! – девочка выглядывала из-за полных ног отца и испуганными глазами смотрела на меня.

– Можете. И примите. Не забывайте, что перед вами леди, которая может приказать. А мне бы не хотелось пользоваться властью, дарованной титулом. К тому же, – возвращая в руки малышки туфельки, я улыбнулась. – Это мой подарок лично Иллариин, а не вам. У меня полно туфель, а у малышки и пары нет. Как так получилось? Неужели таверна совсем не приносит дохода?

– Приносит, – виновато сминая фартук, трактирщик опустил глаза, явно не желая мне рассказывать. Положила руку мужчине на грудь и заглянула в глаза

– Отвечайте все, как есть, ничего не утаивая, – энергия муравьиными лапками заструилась по венам и поглотила сознание трактирщика.

– Год назад король издал указ, который обязал все крестьянские таверны платить дань. Половину от заработанного.

– Это ложь, – спокойно заметил лорд.

– Он не может врать под заклятием. Известно ли вам, что согласно действующему закону, все крестьянские таверны до пяти столов не облагаются податями?

– Так было раньше. А потом закон отменили, – зачарованно протянул мужчина.

– Кто вам сообщил об этом?

– Лично граф Кернуэл.

Мы с лордом переглянулись. Сжав кулаки, я молча вышла из таверны и, зайдя за угол, облокотилась о влажное дерево, изо всех сил сдерживая слезы. Получалось плохо. Меня душили гнев, обида, негодование и боль потери. В ноги впились сотни ледяных иголок осеннего холода и мелкие камушки. Я не привыкла ходить босиком. И не привыкла видеть страдания народа. Моего народа. Едва хватая ртом воздух, изо всех сил пыталась взять себя в руки.

– Леди Найтингейл!

Спешно стерла с лица слезы, но на голос не повернулась. Только схватилась рукой за деревянный брус, выступающий из стены. Мужчина стоял прямо за мной и почему-то в нерешительности замер.

– Вилиана!

Резко повернулась, но ничего не сказала по поводу неуместного обращения.

– Прикажете казнить за обращение, неподобающее статусу? – на губах – робкая улыбка, но в глазах отчего-то тревога.

– Мне сейчас не до ваших шуток, лорд, – голос сорвался на всхлип. Хотела отвернуться, но мужчина всем видом показал, что не уйдет.

– Вы плачете?

– Еще чего! Королевы не плачут, – патетически заметила я. Правда, больше пытаюсь убедить в этом себя. Лорд-то совершенно не поверил. – Сильные ветра. Что-то попало в глаз.

– Позвольте, я посмотрю.

«Позвольте», судя по всему, говорилось для формы, нежели с действительным намерением попросить позволения. Он обхватил мое лицо своими большими и почему-то теплыми в промозглую погоду ладонями и внимательно, уже без веселых искорок в глазах, посмотрел на меня. Постаралась соорудить лицо обиженной невинности. Выходило плохо. Как ни странно, я не возражала против такого жеста.

– Мы уже определили, что я в целом не обременен моральными качествами и скорее гадов, нежели воспитан, – улыбнулся он. – Знаете, что я вижу, миледи?

– Признаться, любопытно, – вырвалось само собой.

– Вы совершенно не умеете врать, – прошептал он, стерев большими пальцами слезы с моих щек и улыбнулся. – А еще вы забрали боль девочки.

– Не понимаю о чем вы.

Он убрал руки.

– Должно быть, вы забываете, что наш род берет начало от титанов. И, кроме абсолютной невосприимчивости к магии мы унаследовали еще одну любопытную особенность предков. Мы ее видим. Магию. Любую. Не понимаю, как я раньше не заметил, кто вы. Ваша матушка, королева Шейла, никогда не пользовалась способностями лакрии. Мы все думали, что король взял в жены человека, а, оказалось... Значит и вы с принцессой Беатрис лакрии.

– Любопытная теория, лорд, – я поежилась. Никогда прежде не думала, что обычные туфли способны согревать. Стоя на мерзлой осенней дороге босыми ногами, я чувствовала, что еще немного и простыну. Слезы снова скопились на глазах. Маленькая Иллэрия и ей подобные годами живут в таких условиях и не знают иной жизни.

– А знаете что еще, мы, обычные лорды, умеем?

Пожала плечами, смахивая накатывающие слезы и стараясь глядеть кверху, чтобы они не скатились по щекам.

– Мы знаем способ, которым можно облегчить страдание. Ведь вам сейчас гораздо больней, чем той малышке.

Пристально посмотрела на него. Предательские соленые ручейки стекли вниз и зависли на подбородке крупными каплями.

– Только не велите казнить, хорошо? – в изумрудных глазах вновь поселились веселые огоньки, от чего и мои губы тронула легкая улыбка. Лерой смахнул слезы с моего подбородка.

– Хорошо.

Интересно, что он задумал? Когда на мою талию легла тяжелая ладонь мужчины, я едва не вздрогнула. И от новых ощущений, и от нарушения всех мыслимых и немыслимых правил приличия. Сердце пропустило несколько ударов.

– Лорд! – возмутилась я, почему-то шепотом и не отстранилась.

– Миледи, – медленно, словно давая привыкнуть к каждому сокращающемуся между нами сантиметру, он притягивал меня к себе. Удивительная мягкость и нежность от мужчины, казалось бы, слишком сильного и воинственного, чтобы быть на нее способным. На моей спине сомкнулись его ладони, мягко поглаживая и успокаивая. Не сразу, но осмелилась положить продрогшие ручки на грудь мужчины. Обводя пальчиками колечки легкой кольчуги, под которыми выбивало ритм его сердце, я чувствовала себя, вопреки всему, очень уютно и тепло. Наконец, прижавшись к мужчине щекой, позволила себе минуту слабости. Слезы стекали по лицу, словно через них мое тело покидала боль. – Это удивительное средство называется объятия. От них еще никто не умирал, – едва слышно усмехнулся он, поглаживая одной рукой по волосам, другой по лопаткам. Когда лорд прижал меня сильнее, чтобы согреть и поддержать, что-то произошло.

Необъяснимый и спонтанный прилив сил, словно вспышка в районе солнечного сплетения. Энергия бархатной волной прокатилась по телу, восполняя резерв и наполняя все клетки моего организма. От неожиданности оттолкнула мужчину, и заглянула в его лицо, пытаюсь понять.

– Что вы сделали, лорд?

– Я не обладаю магией, миледи. Но вижу всплеск магических сил, – мы с удивлением изучали друг друга. После небольшой паузы, лорд Найтингейл произнес. – А еще вижу, что вы отдали единственные туфли той девочке. Зачем вы это сделали?

– Зачем? – удивилась я. – Неужели благородная леди на моем месте поступила бы иначе?

– Вы бы удивились. Судя по всему, вы прежде не встречали благородных леди. Но вопрос в другом. Сапожника можно найти только в Ридане, но пока мы доедем и дождемся утра, вы успеете простудиться.

– Этой ситуации бы не возникло, не помешай вы мне вернуться к карете за вещами, – вспыхнула я

– Разумеется, не возникло, ведь вас бы уже не было, – резонно заметил мужчина. Обхватила себя руками.

– А вам-то что за дело? Вы наследник трона, почему не желаете, чтобы я умерла и ушла с вашей дороги?

– Вы так думаете обо мне, миледи? – мужчина выглядел растерян. Кажется, мое заявление по-настоящему задело его.

– Я... – тяжело дыша, не знала, что сказать. Конечно, подобная мысль у меня возникала, но оснований не доверять лорду Найтингейлу не было. – Нет, лорд. Прошу меня простить, это было неуместно.

– Отбросьте приличия и этикет, миледи. Будьте со мной честны. Вы, правда, думаете, что я желаю отобрать ваш трон?

– Да. Подобная мысль у меня возникала. Но сомнений в вашей преданности у меня сейчас нет.

Он развернулся и молча отправился к лошади. Предполагается, чтобы я теперь умоляла? Оставаясь на месте, следила за мужчиной. Он развязал один из дорожных мешков и достал оттуда пару толстых шерстяных носков большого размера. Затем вернулся ко мне и протянул.

– Наденьте пока это. Я бы дал вам свои ботинки, но вы и шага в них ступить не сможете.

Не то, чтобы я всерьез рассматривала его предложение, но взгляд непроизвольно опустился. Действительно. У меня очень маленькая ножка, а стопа мужчины в два раза больше моей. К тому же, я никогда не носила высоких и тяжелых военных сапог. Наверняка они натирают ноги. Проследив за моим взглядом, мужчина несколько оттаял.

– Именно поэтому прошу, наденьте хотя бы носки. А в Ридане мы купим вам новые туфли. Надеюсь, вы доедете в них до столицы и не отдадите очередной босой девочке.

– Вы смеетесь надо мной? – возмутилась я, принимая носки. Очень толстые и грубые, из нескольких слоев собачьей шерсти.

– Я считаю, нужно создать условия, чтобы народ сам мог приобретать все необходимое, а не жил на милостыню. Своими дарами вы лишь продлеваете их агонию, – он развел руками и говорил достаточно вольно.

– Смеее меня осуждать? Девочка могла простудиться и умереть от воспаления легких! К тому же, мой батюшка издавал справедливые законы, а местечковые графы вздумали, что могут диктовать народу свои условия. Кажется, мы как раз направляемся к графу Кернуэлу. Я ему устрою! – окинув лорда с головы до ног исправила. – Точнее, устройте ему вы. А я постою рядом, а затем проведу воспитательную беседу.

– Не думаю, что это лучшая идея, миледи.

– По-вашему, я говорю глупости? По-вашему, должна оставить все как есть, и позволить народу голодать, а графам жиреть? Куда им столько земли, столько денег? Они же не смогут унести их с собой в могилу! – едва не сорвалась на крик, не понимая, почему аристократия, которая должна мудро проводить в жизнь политику короны и заботиться о благополучии своего народа – источника собственного богатства и благополучия, действует вопреки законам логики и морали.

– В вашей голове столько страстей. А для мудрых решений нужен холодный расчет, миледи.

– Знаете что, – вручая лорду носки, начала я. – Пожалуй, на этом прекрасном моменте, когда вы посмели высмеять и назвать свою королеву идиоткой, мы с вами расстанемся!

Развернувшись и уверенной, даже гордой походкой направилась, куда глаза глядят. В голове промелькнула мысль, что подобной выходкой я вряд ли чего-то добьюсь. Ну, хорошо, дойду я до Ридана, если повезет. Заработаю воспаление легких и умру в комнатах графского замка. Об этом даже никто не узнает. Возможно, меня даже без почестей похоронят. Замедлила шаг, думая теперь лишь об одном – «только бы он пошел следом». Моя голова теперь достаточно холодна, чтобы понять глупость совершенного поступка. Но гордыня не позволяет признать собственной ошибки.

– Вернитесь, леди Найтингейл, – послышалось за спиной.

– Я не леди Найтингейл! – рыкнула я, продолжив ступать босыми ногами по сухой и колючей траве.

– Взбалмошная девчонка, – послышалось недовольное ругательство, и в один миг я оказалась на плече лорда Найтингейла, который, как и обещал, отшлепал мой непослушный и горделивый королевский зад. – И только попробуйте заявить, что я позволяю себе что-то недостойное джентльмена. Отчаянные времена требуют отчаянных мер, моя милая. И если вы решили действовать во вред себе, то я должен этому помешать, потому что присягнул на верность короне. Присягнул на верность вам.

– Вы мне не присягали, – на губах затаилась улыбка. Все же он вернулся за мной, значит, я добилась, чего хотела. Осталось понять одно – чего именно я хотела добиться?

– В этом вы правы, миледи, – водрузив меня на лавку, расположенную за таверной, видимо, для отдыха Самуила Трактирщика, мужчина встал передо мной на одно колено, зажав в ладони злосчастные носки из собачьей шерсти. – Я, Лерой Грэм Найтингейл, обещаю и клянусь перед очами Отца Заступника в том, что хочу и должен ее королевскому величеству, своей истинной и природной Всемиловитейшей Государыне верно служить и во всем повиноваться, не щадя жизни своей, до последней капли крови, а также клянусь оберегать и сохранять принадлежащие Короне права и преимущества, верно хранить тайны, ставшие мне известными и доверенными по чину. Пред Отцом Заступником и Его страшным Судом клянусь в том всегда держать ответ.

Тишина. Вдалеке тревожно ухала сова, а в траве неподалеку, как ни странно, стрекотал сверчок. Сумерки казались настолько плотными, что их можно было пощупать руками. Воздух приятно пах сырой землей и горечью поздних цветов. А еще запах жженой листвы, как символ сжигания старых устоев. Только на пепле прошлого можно выстроить великое будущее. Ноги застыли окончательно и кончиков пальцев я уже не чувствовала.

В полумраке было сложно разглядеть лицо мужчины, склонившего передо мной голову и ожидавшего ответа. Впервые мне принесли присягу на верность. Только сейчас я поняла, что совершает лорд Найтингейл. Присягая мне, он отвергает трон.

– Не уверена, – осторожно начала я, – что по канону в ваших руках должны быть носки, а не завет Отца Заступника.

Только сейчас заметила, как были напряжены плечи мужчины. Он с плохо скрываемым облегчением выдохнул и подарил мне свет изумрудных глаз.

– Позвольте ли вы, Вилиана Шален Кенигсгейл, надеть вам эти носки в знак верной службы и бесконечной преданности?

– Позволяю, лорд, – улыбнулась я и боль, наконец-то, совершенно отступила, уступив место новому, пока непонятному чувству. – Первая тайна, лорд, которую вам надлежит бережно хранить, это тайна того, кем я являюсь. О том, что я лакрия никто не должен знать.

– Вы лакрия, я – потомок титана. Покажите мне хоть одного аристократа-человека, – улыбнулся мужчина.

– Лорд Найтингейл, я сомневаюсь, что вы произносили слова вашей клятвы вдумчиво, – я сдвинула брови. Не знаю, заметил он это или нет. – Не думаю, что из вас выйдет путный подданный.

Надев на меня носки и крепко зажав мои застывшие ноги между своими ладонями, он произнес.

– Я сохраню вашу тайну, миледи. И докажу, что подданного, преданнее меня вы не сыщете во всей Всеславии.

– Хорошо, – мое настроение существенно улучшилось и, закутавшись в шаль, я сделала еще одно повеление. – Мне необходимо узнать, что происходит в Ардлисе. То, что я увидела всего лишь за день пути, повергло меня в полнейшее уныние. Кто-то вредит короне. Мне нужно ненадолго уединиться.

– Что ж, – опуская мои ножки и поправляя юбки, произнес лорд. – Я буду здесь, совсем рядом, чтоб не упускать вас из вида.

– Сомневаюсь, что кто-нибудь съест меня в такой глухомани, – словно опровергая мои сомнения, из глубины леса, расположенного в ста шагах, не больше, донесся душераздирающий волчий вой. – Впрочем, – я быстро сменила мнение, – не отходите далеко. С вами мне спокойнее.

– Как пожелаете, миледи, – улыбнулся мужчина. Я проследила взглядом. Он отошел достаточно далеко, чтобы предоставить мне возможность использовать магию лакрии без лиш-

них свидетелей, но находился достаточно близко, чтобы в случае необходимости спасти от вервольфа, голодного волка или, на худой конец, пьяного крестьянина.

Выдернув из прически черный волосок, я закрыла глаза, призывая свою магию. Кончики пальцев обожгло знакомым теплом, которое питало волосок, раздувая его вширь. Через несколько мгновений на моей ладони сидел крупный черный ворон. Таким способом мы тайно переписывались с Беатрис. наших воронов нельзя перехватить или обнаружить. В случае опасности они оборачивались ветром и исчезали.

– Передай братьям и сестрам, пусть летят в Ардлис, в королевский дворец, станут моими глазами и ушами. Мне нужно знать, чего ожидать по приезду в город. Ждет ли меня трон или он захвачен самозванцами.

Ворон, понятиливо наклонив головку, присел на лапках, давая сигнал, что собирается взлететь. Вскинула руку и, тяжело махая крыльями, птица вспорхнула и, стремительно набирая высоту, унеслась прочь. Как только вороны доберутся до Ардлиса, у меня появятся глаза и уши. Жаль, что эта магия, как и внушение, действует лишь до полной луны.

Мой посланник скрылся в темноте, и я дала лорду сигнал, что мы можем отправляться в путь. Нести меня на руках до лошади я не просила, тем не менее, игнорируя возражения, мужчина аккуратно подхватил меня и понес.

– Трава покрывается росой. Вы намочите ноги и простынете, – пояснил он.

Глядя, как на шее воина вздувается венка, я тронула ее пальцем и отчего-то хихикнула, как маленькая девочка, получив в ответ ироничную улыбку и таинственный блеск глаз, в темноте кажущийся волшебным, словно там, в их глубине живут светлячки в иссиня-малахитовых светящихся панцирях.

– Вы, правда, готовы умереть за меня? – вопрос сам сорвался с губ.

– Не раздумывая, миледи, – отчеканил он, подсаживая меня на коня. Из таверны в моих туфельках выбежала Иллария. Я поджала ноги, чтобы она, не дай Отец Заступник, не заметила, что я без обуви.

– Лорд, Леди! – звенящим голоском пролепетала она, искрясь от счастья. – Это вам от батюшки!

Она протянула большой тряпочный мешок и, помахав мне ладошкой, убежала, едва не теряя на бегу туфельки, в теплую таверну. На губах расцвела улыбка, когда лорд показал наш подарок – два свежих горячих каравая и бутылка молока. Это самый ценный дар, который могут преподнести крестьяне. Для них нет ничего ценнее молока и хлеба.

Убрав запасы, лорд отвязал коня и, ловко на него взобравшись, повез нас в Ридан. Не знаю от чего, но я не могла подавить улыбку. Вокруг – нищета и боль, темнота липким туманом обступает со всех сторон, и я даже не разбираю дороги, ранний холод впивается в кожу с энтузиазмом вампира, а я улыбаюсь и, как ни странно, чувствую себя в полной безопасности. Меня сжимают сильные руки лорда, который точно знает, что делает. Вот только откуда?

– Лорд, неужели вы в силах разобрать дорогу? – только сейчас я поняла, что остановка в таверне была сделана исключительно для меня. Без такой обузы мужчина еще засветло добрался бы до места.

– В этом нет необходимости.

– Вы лукавите. Всем необходимо зрение.

– Только не искателям. Я чувствую дорогу и этого достаточно.

Только сейчас заметила, что в темноте глаза лорда легко фосфоресцируют. Захватывающее зрелище.

– Меня вы тоже почувствовали?

– С живыми все иначе. Это не путь. Вас я нашел благодаря этому, – он приподнял рукав, и я не поверила собственным глазам, благо они никогда меня не подводили прежде. На кисти мужчины повязан простенький браслет с ракушкой, которую я нашла во время путешествия

с батюшкой к морю. Я привязала ракушку на ниточку и, смастерив для себя такой же, один подарила Лерою, а второй оставила у себя. Когда мне было шесть, а ему одиннадцать, мы дали клятву дружбы и преданности. Смешную детскую клятву. А на следующий день меня на долгие пятнадцать лет увезли в монастырь Пресвятой Девы.

– Браслет дружбы? Вы все еще храните его? – сердце сжалось от трепета детских воспоминаний.

– А вы нет? – мужчина иронично вздернул бровь. – Видите ли, для меня все клятвы обладают равной ценностью. И те, что были даны в одиннадцать лет, и те, что я дал позднее. Я скучал по вам тогда.

– Вы – удивительный, – вырвалось само собой.

– А как же самовлюбленный, наглый, надменный?

– О, как только открываете рот, так сразу таким и становитесь, – я надула губки и уставилась в темноту перед собой. Впрочем, оттаяла быстро, поскольку мне не терпелось задать вопрос, который действительно меня волнует. – А вы можете найти... любого?

– Вы о Беатрис?

Какой проникательный. Я кивнула и, несмотря на темноту, лорд заметил мой жест.

– Если у вас есть вещь, которая ей когда-либо принадлежала или подарок от нее, то да. Найти труда не составит.

Отлично. Значит, как только я взойду на трон Всеславии, сразу же pošлю лорда Найтингейла найти сестру. Пусть живет во дворце, под охраной, в безопасности. К тому же, при помощи королевских ресурсов, возможно, нам удастся снять проклятие с нашего рода, чтобы она не боялась за жизнь ребенка. А пока мы даже до конца не можем понять его сущность...

– Постарайтесь отдохнуть дорогой. У графа нас могут поджидать неприятности. И не забудьте, что вы моя супруга. Ведите себя соответственно.

– Вы на что намекаете? – абсолютно точно, удивительным он быть перестал в тот же миг.

– На то, что инициатива в разговорах должна оставаться за мной. Ваше дело быть красивой и улыбаться.

– О, да. Я ведь только на это и способна! – не будь я верхом на коне, развернулась бы и ушла. Но все, что остается – гневно сопеть.

– Я этого не говорил, – в его голосе чувствовалось раздражение. – Вилиана, право, иногда руки так и чешутся отшлепать вас!

– Вашу королеву?

– Порой даже королеве нужна порядочная трепка! Вы добрая и мудрая девушка, но слишком уж эмоциональная.

– Что поделать, все лакрии такие, – попробовала оправдаться и, кажется, такой ответ его удовлетворил. Во всяком случае, дальнейший путь протекал только под мерный стук копыт и трели сверчков в жухлой траве. Сама не знаю, что со мной. Рядом с лордом теряю самообладание. Он выводит меня из себя постоянным неуместным отношением. А реагировать на хамство я так и не научилась.

* * *

Как мы добрались до Ридана, я даже не заметила, потому что вновь задремала на груди мужчины. В темноте спросонья сложно было разглядеть дом графа. Я смогла заметить только его внушительные размеры и большой сад с цветущими георгинами. Они отдавали ночному воздуху тяжелый пряный аромат. Тягостно притягательный и столь любимый мною. Конюх отвел нашего коня в стойло, а дворецкий проводил в гостиную, где, завернутый в багровый домашний халат, возле камина восседал граф. Что-то в его облике мне сразу не понравилось.

– Лерой! – мужчина, обернувшись на представившего нас дворецкого, в удивлении вскинул брови и поднялся. Он был тучным и от этого неуклюжим. Все его движения словно неестественные и рубленные. Гладко выбритое лицо с первыми признаками старения – ему под

пятьдесят. Щеки свисают вниз как у откормленного бульдога, а глаза, непропорционально маленькие, иссиня-черные, как мои волосы, суетливо бегали, то по мне, то по лорду. Поежившись от такого пронзительного взгляда, я непроизвольно прижалась к лорду и взяла его под руку. – А это что за прелестное создание рядом с вами?

Мужчина подошел ко мне и разве что за подбородок не взял, чтобы лучше разглядеть. Лорд, чувствуя мой страх, прижал меня ближе, заявляя права и показывая графу, что его излишний интерес неуместен. Этот жест не ускользнул от внимания его светлости. Поведя носом, словно ищейка, он сощурил глазки-бусинки.

– Это моя супруга – леди Найтингейл, – такой холодной стали в голосе мужчины я прежде не слышала, даже обернулась, чтобы видеть его лицо. Сжатые зубы, а в теплых и все время смеющихся глазах ни тени доброты. Граф ему тоже не нравился. Но, поскольку тот обратился к лорду по имени, они видели друг друга не в первый раз.

– Супруга! – воскликнул он, снова вглядываясь в мои ледяные глаза, в обрамлении черных волос кажущиеся порой совершенно прозрачными. К слову, сейчас мне хотелось стать полностью прозрачной. Внимание графа словно вымазывало меня грязью. Только сейчас я поняла, почему лорд настоял представить меня своей супругой, и не открывать личность Королевы. Не уверена, что граф не всадит нож в спину. Совершенно не уверена. Сейчас как никогда я радовалась, что никто из аристократии не знал в лицо ни меня, ни Беатрис. Шестилетняя девочка и двадцатидвухлетняя девушка разительно отличаются. Несмотря на то, что общие черты остались прежними, через пятнадцать лет об этом вряд ли кто вспомнит. – Что же с ней случилось с бедняжкой?

Он намекал на мое подранное платье. Слава Отцу Заступнику, не мог видеть, что я без обуви.

– В лесу на нас напали разбойники. Пришлось отбиваться. Возможно, вам что-то известно о банде, которая орудует в ваших местах?

– Обсудим это завтра, лорд, – бросая в мою сторону осторожные взгляды, заметил граф. – Женщинам ни к чему такие разговоры. Так, когда вы успели пожениться? Слышал, у вас было много девушек в Ардлисе. Почему вы решили остепениться?

Замечание о похождениях Лероя почему-то кольнуло сердце. Какая мне разница? Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, разглядывала гостиную. Холодная, безжизненная, практически стерильная. Малое количество предметов и строго на своих местах. Камин – без цветов, статуэток и украшений, грубый из темного дерева стеллаж с книгами, два объемных кресла, обтянутых темно-красной кожей, повернуты к камину, между ними небольшой столик и пушистый ковер из шкуры убитого бурого медведя, чья голова с пустыми глазницами с удивлением смотрела на пляшущие языки пламени.

– Глядя на мою супругу столь пристально, вы еще спрашиваете?

Я невольно улыбнулась такому ответу. Граф растянулся в сальной улыбочке.

– Весть о женитьбе скоро бы облетела всю Всеславию. Неделю назад видел вашего батюшку, он ничего не говорил о свадьбе.

Понятно. Граф Кернуэл нас проверяет. Стояла и улыбалась, как и просил Лерой. Хотя больше всего хотелось плюнуть в наглую и отъевшуюся за счет страданий крестьян физиономию и потребовать отчета обо всех делах. Почему, пока граф откладывает жир на своих боках, мои подданные на подопечных ему территориях умирают от голода и холода?

– Мы женились сегодня утром в обители Пресвятой Девы. Тайно.

– Девушка неблагонадежна? – граф нахмурил брови, глянув на меня. Не в силах сдержать подобной шпильки, сжала кулачки и высказалась:

– Что вы себе позволяете, граф? Еще и в присутствии леди!

Он, сначала пристально на меня посмотрел, а затем рассмеялся, слегка откинув назад голову, от чего его длинные медные волосы спали на лицо.

– Вижу, вижу. Аристократка. Так отчего же вы совершили церемонию тайно?

– Не уверен, что в Ардлисе было бы безопасно для леди Найтингейл. Как вы сами сказали, я не был обделен женским вниманием и не хотел, чтобы это сказалось на моей возлюбленной.

Он мягко поцеловал мою ладонь, в подтверждение слов.

– Что ж, – наконец граф, кажется, остался доволен ответами и соизволил принять гостей, как полагается. – Я распоряжусь, чтобы для вас подготовили комнату, а для Леди – новое платье. У вас траур, дитя?

Дитя? Да перед тобой твоя Королева, гнусный ты тип! Клянусь Отцом Заступником, я найду на тебя управу и без королевской гвардии!

– Да, ваша светлость, – небрежно склонив голову, смиренно ответила я. – Мой батюшка отправился к Отцу Заступнику.

– Мне жаль, – отмахнулся он совершенно безразличным тоном, вопреки этикету не выразив должным образом соболезнований. – Тем не менее, несмотря на траур, вы вышли замуж?

– Жизнь продолжается, – отчеканила я.

– Ну. Черных платьев в моем доме нет, но я уверен, моя рабыня что-нибудь для вас подберет. А пока, Эльдинант!

В гостиную вошел дворецкий с идеальной выправкой.

– Подготовьте для гостей покои на третьем этаже, накройте ужин в столовой и приведите Эдну.

– Да, ваша светлость.

– Вы сказали, рабыня? – я едва сдерживала гнев. Лорд предупредительно сжал мою руку, чтобы я не смела продолжать этот разговор. Но я не могла спустить его на тормозах.

– Да, одна распутница. Ее продали мне за долги.

– Разве это законно? Насколько знаю, рабство во Всеславии отменили более чем пятьсот лет назад.

Граф недоуменно посмотрел на лорда.

– Простите мою леди, ваша светлость. Она крайне любопытна. Дорогая, тебе лучше меня известно, что служители короны никогда не совершают противозаконных поступков.

Граф довольно причмокнул, погладив на лице усы, которых у него никогда не было и быть не могло и проводил нас в столовую, где слуги уже накрыли ужин. Я кидала на лорда Найтингейла недовольные взгляды, которые оставались безответными. Какая неслыханная наглость. В доме графа рабыня, проданная за долги! Во Всеславии запрещено продавать за долги даже представителей низших рас! Ни тролли, ни огры, ни даже гоблины не могут быть проданы. Они поступают в услужение для отработки долга, либо выплачивают его по суду самостоятельно. Но не попадают в рабство.

Ела я без особого энтузиазма, особо не вникая в суть разговора, который вели лорд Найтингейл с графом. Граф боялся лорда, а последний издевался, как мог, играя на обостренном самолюбии Его Светлости и осыпая смехотворными комплиментами, которые в купе с вином развязывали его язык. Он потешался над крестьянами, рассказал, что отобрал у них зерно для посадки и с интересом наблюдает, как они бегут к нему на поклон, умоляя помочь. Внутри меня кипела лава. По какому праву он до сих пор носит титул графа? Как отец допустил подобных людей до власти? Последней каплей стало пренебрежительное замечание:

– И кому как не вам, второму в очереди на трон, возмущаться, что власть получит какая-то девчонка! – он разве что не выплюнул эту фразу, от чего я даже подавилась. Рука лорда мгновенно накрыла мою ладонь. – Сколько ей? Нет и двадцати пяти! Конечно, если лорд Монрейн согласится стать регентом, может все и обойдется...

– Что обойдется? – нервно спросила я.

– Назревает бунт, – откинувшись на спинку стула и поглаживая живот жирными от жареной курицы руками, он улыбался. Угроза бунта вызывает у него радостную улыбку? – Поговаривают, инзраинцы объявились во дворце.

– Вот как? – гневно сжала в руках салфетку. За этот жест тут же уцепился граф.

– Леди недолгоблывает ассиров?

– Господа, – закончив трапезу и промокнув губы салфеткой, объявила я. – День был тяжелым. Позвольте удалиться, – пока не наговорила и не наделала лишнего. Слова лорда Найтингейла об эмоциональности не прошли мимо моих королевских ушек.

– Лорд?

– Да, пожалуй, время позднее. Нам пора отдыхать.

– Что ж, Эльдинант вас проводит. Эдна с утра позаботится о наряде для леди Найтингейл, – вопреки этикету, он даже не поднялся из-за стола, хотя должен был, ведь титул лорда куда выше графского и обязывает проявлять уважение.

– Спасибо за щедрость, – выплюнула я и разве что не побежала за дворецким.

Темными, плохо освещенными коридорами – граф явно жалел денег на магические излучатели или хотя бы факелы – дворецкий довел нас до покоев на третьем этаже.

– Спасибо, – поблагодарила я, шагая в комнату. Когда лорд последовал за мной и закрыл дверь, в удивлении вскинула брови. – Вы хотели мне что-то сказать?

– Вы едва не выдали себя, – одним движением сняв с себя кольчугу, обозначил он. Амуниция со звоном легла в кресло возле источника тепло камина.

– Лорд! Что вы делаете? – на моем лице наверняка отразилась паника.

– Готовлюсь ко сну. День был тяжелый, а вставать рано. Желаете принять водные процедуры первой?

Стояла, не в силах поверить в то, что слышу. Он что, собирается спать в одной комнате со мной? Но здесь только одна кровать! Обернулась, чтобы в этом убедиться. Действительно. Только одна кровать с воздушными перинами, пушистым одеялом и четырьмя подушками. Хорошо. Я согласилась ехать с ним на одной лошади в совершенно непозволительной позе. Ее можно оправдать крайней необходимостью. Но как оправдать сон в одной комнате при наличии в доме многих других? Когда я повернулась, чтобы изложить свои доводы лорду, застала мужчину с голым торсом. Слова, уже застывшие на кончике языка, приморозили его к небу.

– Вы что-то хотели сказать? – передразнил он.

Ошарашенными глазами уставилась на обнаженную грудь мужчины. Конечно, в учебниках по анатомии я изучала мужское тело, но вживую видела впервые. Тем более такое... красивое. В слабом свете камина его рельефно выступающие мышцы с полутеньями произвели на меня неизгладимое впечатление. Сильная широкая грудь, с двумя небольшими шрамами, судя по всему, от мечей, скульптурный торс, кубики пресса и дорожка небольших волос, спускающаяся от пупка к линии штанов. От удивления даже рот приоткрыла.

– Миледи, вы в порядке? – в его глазах затаилась тревога.

– Нет, – созналась я, заливаясь пунцовой краской и отворачиваясь к окну. – Я совершенно не в порядке. Где вы будете спать? – за окном непроглядная тьма. Небо усыпано мелким жемчугом многочисленных звезд, а полная луна заглядывает прямо в душу, пытаюсь найти в ней отклик на свое одиночество.

– В кровати, – иронично заметил он. – Где же еще, по вашему мнению, спят лорды?

– Неужели в королевской постели? – иронично заметила я. – Здесь одна кровать, – по моему, замечание вполне резонное. Неужели он не понимает?

– А мы с вами взрослые люди, миледи. К тому же, друзья навек, – напомнил он, оказавшись прямо за спиной. Отчего-то сердце сбилось с привычного ритма. Даже в пот бросило. – Чего вы боитесь?

– Осуждения, лорд Найтингейл!

– Но мы с вами женаты, – на мои плечи легли теплые ладони. Почему они всегда как у моего отца, теплые и как будто родные? Может, потому, что он единственная ниточка из моего счастливого детства?

Действительно. Мы представлены как леди и лорд Найтингейл, а, значит, нам положены одни покои на двоих. Разумеется, то, что мы планируем сделать, недопустимо. Но я не монашка, а взрослая рассудительная девушка. В конце концов, от совместного лежания в кровати дети не появляются.

– Хорошо, – полагая, что вопрос решен, констатировала я. – Думаю, вам можно доверять, лорд?

– Разумеется, миледи, – он поцеловал меня в макушку, как в детстве делал только отец и отошел. Не отрывая взгляда от полной луны, я думала, как бы приструнить графа. Я не могу уехать из Ридана, зная, что местные земли находятся в бедственном состоянии, а крестьяне поставлены на грань выживания. Если мне не удастся придумать решение, то какая из меня королева? Любой дурак, имея реальную власть и верных слуг, может навести порядок. А я должна научиться делать это, полагаясь лишь на себя. Полная луна что-то нашептывала, зывала. Не сразу поняла, что она обращалась к моей силе. К той, кто я есть. Она зывала к лакрии.

Владычица монастыря Пресвятой Девы преподавала мне тайные знания. В том числе рассказала об удивительной силе, которую я получила от рождения. Я – представитель одного из трех древних родов редкой расы лакрий. Наш род проживает во Всеславии. Второй – у Эльфов в Лиолене. Третий – в государстве Драконов – Ал'Курдуме. Нас остались единицы, поскольку более пяти веков назад лакрий нещадно истребляли. И делали это с подачи Инзраинцев, ведь мы представляли для них немалую опасность. Инзраинцы – демоны-перевертыши, которых называют ассирами. Они подстраиваются под любую расу, меняя обличье и добиваясь своей цели. Какая цель может быть у демонов? Распространение культа служения темному богу, деньги, власть и постоянные жертвоприношения, которые, по их дурной вере, способны дать им силу и долгоденствие. Лакрия может увидеть ассира в перекинутом состоянии. Кроме нас никто не способен на подобное. Впрочем, истребляли не за это. Люди и другие расы боялись нашего внушения. Именно им я и собиралась воспользоваться.

– Прежде, чем вы отойдете ко сну, ответьте, – не отрывая взгляда от полной луны, я обращалась к лорду. – Если выехать из Ридана верхом и загнать лошадь, как скоро можно добраться до границы? Ближайшей? Неважно с каким государством.

– Самое большее – сутки пути до Манкалы.

– То есть до следующей луны. К темным эльфам, значит, – тихо прошептала я, не в силах скрыть улыбку. – Как думаете, представители вашего рода благонадежны?

– Что вы задумали, миледи?

– Просто ответьте, – повернулась я. Лучше бы не делала этого. Лорд остался в одних нижних штанах. – Это мы с вами еще обсудим.

– Мои нижние штаны? – пшеничная бровь взмыла вверх.

– Ваше поведение, – сделав вид, словно не заметила конфуза, отвернулась обратно к окну. Туда смотреть безопаснее.

– Наглое и провоцирующее?

– Только вот кого и на что, – задумчиво протянула я, надеясь, что лорд сжалится над мной и прекратит эту пытку обнаженным мужским телом. – Просто ответьте на вопрос.

– Думаю, что да. Хотя не отвечу за всех и каждого.

– Ближайший к Ридану граф из вашего рода?

– Граф Аластин, миледи.

– Отлично. Доброй ночи, лорд.

Я развернулась и, демонстративно не глядя в сторону воина, направилась к двери. Прежде, чем успела ее открыть, мне перегородили дорогу. Как одна и та же рука может быть и нежной, и разящей одновременно?

– Куда вы направляетесь? – обладатель полуголого тела умел задавать вопросы убедительно.

– Я должна защитить свой народ и поставить графа на место, – отважилась заглянуть в его серьезные глаза. – Не переживайте, я смогу за себя постоять и глупости делать не собираюсь.

– Разумеется, вы за себя постоите. А я постою за вас. Неподалеку. Так бы и сказали, что раздеваться рано, – улыбнулся он, потянувшись за штанами.

– Тогда делайте это быстро и не вмешивайтесь, что бы там ни увидели.

Быстрым и уверенным шагом, насколько вообще может чувствовать себя уверенно леди в носках, направилась в гостиную, но графа там уже не было. Не нашла его и в столовой. Натолкнувшись на дворецкого, выяснила, что гнусный тип изволит находиться в кабинете, у дверей которого поджидал лорд, к его чести, накинувший на себя штаны и рубашку. Приложив палец к губам, чтоб стоял тихо, постучала.

– Входи, Эльдинант, – голос сухой и скрипучий. Как сосна, качающаяся на ветру.

– О, граф. Это не Эльдинант, – дверь за моей спиной мягко стукнула. Чтобы лорд не подумал вмешаться, я защелкнула засов, на что граф отреагировал растянувшейся на губах сальной улыбочкой.

– Малышка решила пошалить? – он тяжело поднялся с кресла, обитого медвежьим мехом, и направился в мою сторону. От грузной поступи паркет слегка поскрипывал. Ровно как мои нервы, натянутые до предела.

– Вы себе даже не представляете, – заверила я, едва не скалясь. – У вас такой пушистый и мягкий халат, – пролепетала я, поглаживая ворот и запуская ладонь внутрь. Положила руку на волосатую грудь, едва не морщась от отвращения. Удар сердца. Отлично. Энергия сорвалась с кончиков пальцев и накинула сеть. – Слушайте меня внимательно, – процедила я, завладев сознанием мужчины. – Сейчас я издам королевский указ, которым вы, граф Кернуэл, лишаетесь титула, состояния, положения в обществе и всех своих земель. В ответ вы пишете признательные показания, в которых сознаетесь во всех, абсолютно всех совершенных злодеяниях и отменяете все ваши указы, возвращая правовое регулирование земель Ридана в соответствие с королевскими законами Всеславии. После этого, сядете на коня, прямо в халате, и будете гнать его до самой границы с Манкалой, где и сдадитесь на международный суд Союза Сил. О настоящем разговоре вы навсегда забудете, – я убрала руку. – Теперь достаньте принадлежности для письма.

Пелена спала с пепельных глаз графа и, вместо того, чтобы выполнить мой указ, он зычно рассмеялся, а затем, схватив меня за шею, процедил сквозь зубы, медленно поднимая вверх.

– Кто бы мог подумать. Наша маленькая королева лакрия!

Дверь в кабинет содрогнулась от удара. Паникуя, болтала ногами в воздухе, не в силах вырваться из хватки. Кто бы мог подумать: граф Кернуэл – ассир!

– Вилиана! Открой чертову дверь!

– А там уже цепной песик, – выплюнул граф.

– Ассир! – с ужасом выдохнула я. В подтверждение моих слов, граф сменил облик, перекинувшись в демона. Я смогу. Ассиры имеют иммунитет, но они не всесильны. Да поможет мне Отец заступник!

Обхватила обеими руками его голову и, приложив всю силу, которая у меня имелась, повелела.

– Я, твоя королева, – из груди вырвался низкий хриплый бас, совершенно не похожий на мой голос. Словно говорил кто-то выше, кто-то, от чьего присутствия даже у меня колени затряслись. Кто-то невообразимо сильный и древний, как сама магия.

Кончики пальцев не щекотало. Их жгло от невыносимой силы энергии и жгло тем сильнее, чем яростней он сжимал мое горло. Попытки выбить дверь не прекращались.

– Тебе меня не одолеть, дрянь! – шипел демон, сопротивляясь моей силе. Я чувствовала, как он борется, но слабеет. Перед глазами сгушалась тьма, но, тем не менее, я не оставляла попыток подчинить графа, из последних сил. Ради Всеславии...

– Склонись перед своей королевой! – закричала я и, всего лишь в одном мгновении от потери сознания, повалилась на пол. Но лишь потому, что внушение сработало. Я подчинила ассира. Передо мной, безропотно сложив на коленях руки, восседал серо-зеленый демон. Еще один удар и дверь была сорвана с петель. В кабинет влетел взбешенный лорд и сразу бросился ко мне.

– Вилиана! – он упал на колени, обнимая мое лицо, лихорадочно проверяя, все ли в целости и сохранности, нет ли на мне повреждений. Я растирала шею и старалась не разреветься от страха. Руки дрожали.

– Все хорошо, лорд, – едва шептала я. На подчинение ушли абсолютно все силы, которые у меня были. Кружилась голова и тошнило от магического опустошения. Но я не могла уйти, бросив дело на половине. Самое сложное позади. – Помогите мне подняться, пожалуйста.

Лерой помог и усадил меня за стол, не сводя тревожного взгляда. Осуждающего. Недовольного. Испуганного.

– Не переживайте. Ваша должность остается за вами. Опасность миновала, – я едва могла дышать.

– Вы обещали, что не станете делать глупостей!

– Обещала, – согласилась я, обретая, наконец, снова контроль над эмоциями. – Но я и представить не могла, что граф – ассир. А лакрия может узнать это, лишь попытавшись применить внушение. Никогда не думала, что настолько тяжело подчинить инзраинца.

– Серо-зеленый... из аристократии, – не в силах поверить в то, что видит, мужчина разглядывал графа в перекинутом состоянии.

Дрожащими ладонями взяла перо, приготовила чернильницу и, положив перед собой чистый лист, принялась писать, попутно приказав графу принять человеческий облик.

Лорд терпеливо ждал, пока я закончу свое первое королевское повеление. Я издала ряд указов. Первым граф Кернуэл был лишен титула, достоинства и всех земель, а также сослан за пределы Всеславии без права на возвращение. В случае возвращения подлежит немедленной казни через повешение. Второй указ гласил об отмене всех повелений графа, изданных за период его руководства землями и возвращении регулирования земель Ридана законами Всеславии. Третий указ гласил о том, что все крестьяне подконтрольных графу земель получают обратно зерно и картофель, которые были у них незаконно отобраны. Четвертым указом повелела вернуть Самуилу Трактирщику и всем трактирщикам Ридана все незаконно отобраные доходы за все время. Пятым – передала земли Ридана под контроль графа Аластина.

– Подойдите, господин Кернуэл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.